

18+

НАТАЛЬЯ ИГНАТОВА

СМЕНА КЛИМАТА

Наталья Игнатова

Смена климата

<https://litres.ru/74285912>

ISBN 9785007075411

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

«Война, трактиры, стычки, шпаги, кони» — естественная и неотъемлемая часть этой истории. А еще мобильные телефоны, духи и демоны, нелегальный бизнес и государственные перевороты. И, конечно же, «это было начало прекрасной дружбы».

В тексте упоминаются наркотические или психотропные вещества. Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещён и влечёт установленную законодательством ответственность.

Содержание

Наталья Игнатова	6
КНИГА ПЕРВАЯ	8
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	37
ГЛАВА 3	87
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Смена климата

Наталья Игнатова

Иллюстрации созданы при помощи нейросети Nano Banana Pro

© Наталья Игнатова, 2026

ISBN 978-5-0070-7541-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В тексте упоминаются наркотические или психотропные вещества. Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещён и влечёт установленную законодательством ответственность.

Первое впечатление — всегда самое верное. Это рассказ о том, как впервые встретились и какое впечатление произвели друг на друга Уильям Сплиттер по прозвищу Заноза и Хасан Намик-Карасар, по прозвищу Убийца вампиров.

«Война, трактиры, стычки, шпаги, кони» — естественная и неотъемлемая часть их истории. А еще мобильные телефоны, духи и демоны, нелегальный бизнес и государствен-

ные перевороты. И, конечно же, «это было начало прекрасной дружбы».

Ну, а как могло быть иначе?

Наталья Игнатова

СМЕНА КЛИМАТА

Пролог

Меч — это ярость, а лук — это власть. Когда ты бьешься мечом, боги выбирают за тебя твоего противника, а когда ты стреляешь из лука, ты сам решаешь, чью жизнь оборвать. Когда ты с луком, ты уподобляешься духам и богам, потому что тот, кто умирает, не понимает, что с ним произошло, это выглядит, как явление природы.

Меч — это лицо самурая. Лук — это его темная сторона.

Минамото Синдзен

После колледжа я не собирался поступать в Сандхёрст — отец хотел, чтобы я продолжил учебу в Германии, в Мюнхене. Новый университет, старые традиции, хорошая школа. Всё против правил нашей страны и нашей семьи, где мужчины непременно служили в армии, но отец любил ломать стереотипы и ждал, что я буду поступать так же. Правильно делал. Если не я, то кто? Быть инженером гораздо интереснее, чем служить в кавалерии, это я знал задолго до того, как окончил колледж.

Я уехал в Мюнхен в июле, сразу после выпуска. Я поступил в университет. И стал бы инженером, лучшим в мире,

можно даже не сомневаться. По крайней мере, именно это я планировал. Но в ноябре меня убили.

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

*Поменяв три-четыре шкуры очень просто
забыть, кто ты.*

Тара Дьюли

Это было официальное письмо от неофициальной организации. Из канцелярии тийрмастера. Заноза от удивления даже удалил его не сразу. Перечитал, чтобы убедиться, что не ошибся. Что пароли верные и код правильный, и дешифровщик не глючит.

В последний раз тийрмастер обращался к нему за услугами в начале пятидесятых и вроде бы с тех пор зарекся это делать. Сорок лет прошло. Не так много, чтобы вампир с хорошей памятью забыл, с кем не нужно связываться.

Значит, обстоятельства сложились так, что у хозяина тийра не осталось выбора.

Это достаточно веская причина, чтобы не отвечать отказом?

Заноза закурил, выдохнул дым, размышляя над тем, как лучше поступить. И решил, что причина веская. Пока. До выяснения всех обстоятельств. Если обстоятельства не понравятся, тийрмастера можно послать. Никто и не удивится.

В письме была просьба встретиться с неким мистером Намик-Карасаром, который вел дело и должен был рассказать

подробности. А кроме просьбы — рекомендация оказать мистеру Намик-Карасару всю возможную помощь и обещание оплатить услугу соответствующим образом.

От формулировок сводило скулы.

Некоторые ничему не учатся. Никогда. Правда, им и обучающего материала недостает. Нет ни информации, ни примеров, ни даже чужих ошибок, на основании которых можно было бы сделать выводы.

— Намик-Карасар... — пробормотал Заноза, обращаясь к мерцающему монитору компьютера, — мистер Турок. Я о нем знаю.

Знал он, правда, немного, потому что никогда особо не интересовался.

Хасан Намик-Карасар, британец турецкого происхождения, приехал в Рейвентир в сорок шестом году, вскоре после того как сюда окончательно перебрался сам Заноза, и долго оставался чужим для далеких от гостеприимства мертвых англичан. Среди последних на аристократизм претендовали даже те, в чьем выговоре и через двести лет после смерти слышался Ист-Энд, а пыжились они все так, что становилось страшно — вдруг лопнут от собственной важности.

Трудно иностранцу вписаться в такую тусовку. В нее и Заноза не сразу вписался. Его считали немцем, а в сорок шестом это было еще хуже, чем быть турком. Но постепенно как-то все наладилось. Сначала у него, потом у этого Намик-Карасара. Тот обзавелся детективным агентством под

названием «Турецкая крепость». Заноза... ну, Заноза создал свой бизнес. И, в общем-то, все. Самого Турка он даже не видел никогда. Тот оказался мизантропом, на приемах у тийр-мастера появлялся редко, а где еще могут встретиться два вампира, если у них нет общих дел?

Никаких дел с Намик-Карасаром не было и быть не могло. Слишком молод, чтобы представлять интерес. Афат, полученный в тридцатых — о чем тут говорить? В сороковых за плечами Турка было лет пятнадцать посмертия. Кому нужен такой мертвяк, кроме собственного ратуна, занимающегося его обучением?

Ну, а после началась война в Корее. И мизантропом стал сам Заноза. Да настолько удачно, что за каких-то полвека о нем, похоже, успели позабыть. О том, почему не надо просить его об услугах, почему вообще лучше делать вид, будто его не существует. И что в итоге? Его просят поработать под руководством Намик-Карасара, у которого хорошо, если наберется хотя бы шестьдесят лет посмертия. Тийр-мастер что, нашел занятие для самых бесполезных мертвецов тийра? Решил, будто им скучно? Вообразил, что они нуждаются в высочайшем внимании?

Объяснений действиям хозяина тийра у Занозы не было. Просьбу об услуге он еще мог расценить, как продиктованную безвыходностью положения, в котором тот оказался. Но Намик-Карасар? Молодой вампир без особых примет и хоть сколько-нибудь впечатляющего списка достижений.

— Отряд медленного реагирования «Отстой», — Заноза застегнул системы с кобурами. — Спецназ «Бельки». Особая группа «Молодняк». Шайзе...

Он надел плащ, зашнуровал ботинки, перекинул через плечо городской рюкзак с ноутбуком. Оглядел напоследок свое обиталище — белый мрамор, изысканная резьба по камню, поддерживающие свод колонны, обвитые гирляндами неярких электрических ламп. И множество компьютеров, наполняющих воздух ласкающим слух гудением. В склепе не было мебели, кроме кресла на колесиках. Компьютерными столами и рабочими верстаками служили крышки саркофагов. Пустых. Тела своих почтенных предков Заноза с подобающим уважением перенес в один саркофаг, превращенный в братскую могилу. Рассудил, что мертвым — настолько мертвым — без разницы. И освободил себе, таким образом, полтора десятка удобных, вместительных каменных ящиков, которые мог использовать под самые разнообразные нужды.

Он и использовал. Хранил там оружие, амуницию, инструменты, разнообразный хард и еще множество мелочей, которые необходимы и живым, и мертвым. В одном из саркофагов спал сам во время Алого Солнца — часа на рассвете, когда не было сил бороться со сном.

Обычно, впрочем, получалось и этот час провести, бодрствуя.

Не любил Заноза спать. Ему очень не нравилось видеть сны.

На охоте повезло — напоследок попалась девчонка с приятным коктейлем в крови. Нечасто выходит поймать добычу именно в этом, самом лучшем состоянии. В своем Стаде, конечно, всегда есть из чего выбрать, но сегодня он охотился, ловил людей наудачу, и удача свалилась в руки.

Заноза счел это хорошим знаком. Он думал, ночь не задалась. Кому понравится выяснить, что числишься в тийре среди самых молодых и слабых вампиров? Но с этой минуты все должно было измениться к лучшему. А может, это добыча повысила настроение. Правило откладывать охоту на завершение ночи, когда закончены все дела, и эйфория не заставит совершить какую-нибудь непозволительную глупость, было на сегодня забыто. Он уже сделал глупость: принял предложение тийрмастера. А потом еще и затеял охоту в Саутворке, в той его части, которая вроде была охотничьей территорией Турка. Вряд ли кровь заставит его сделать что-нибудь еще глупее.

Зачем надо было охотиться именно здесь, Заноза и сам не знал. Чтобы позлить? Но кого? Не Турка же. Какой смысл злить шестидесятилетнего упыря? Что он сделает?

Настроение, однако, хуже не стало. Бессмысленных поступков не бывает, не должно быть. Значит, и в том, что он успел наделать сегодняшней ночью, тоже есть смысл. Просто неочевидный. Смысл может быть настолько неочевидным, что никто никогда и не узнает, в чем он заключался. Ну, и

что?

Сокращая путь, Заноза прошел через несколько узких переулков, под нависающими над головой арками — серыми и тяжелыми. Потeki сырости на стенах, мусорные баки, худые кошки, которые не разбегались от стука армированных подошв по мостовой. Не боялись. Его даже крысы не боялись, что уж там говорить о кошках и собаках? Специалист по переговорам, о, да, леди и джентльмены, это он и есть. Может договориться о чем угодно с кем угодно, с человеком, с мертвяком, с фейри, с голодным котом, с бешеным бульдогом. Обращайтесь!

Если цены не напрягают.

«Турецкая крепость» располагалась в старом двухэтажном доме — приземистом параллелепипеде с ощутимым недостатком окон на фасаде. Крепость, не крепость, но блокгауз уж точно. Заноза машинально прикинул открывающиеся из окон и с крыши секторы стрельбы, выходило так, что держать оборону тут можно было со всех сторон. И бойцов потребуется немного.

Турок все еще не перестал воевать?

А кто перестал?

Запулив окуроч в урну, Заноза толкнул тяжелую дверь, и даже удивился, не увидев боевого коридора. Серьезно, он думал, что за дверью будет стена, не позволяющая атакующим обстреливать внутренние помещения. А оказался в обшитой

деревом приемной со стойкой администратора, из-за которой на него без интереса взглянул мужчина лет тридцати.

Без интереса? Ага, сейчас! Никто не мог смотреть на него так дольше пары секунд. Вот и у этого глаза слегка округлились, брови приподнялись, и вопрос: «парень, ты дверью не ошибся?» отобразился во взгляде так явно, как если б рядом появилось облачко со словами. Нечасто в таких местах появляются припанкованные утырки в черной коже, серьгах, браслетах и кольцах, да еще и в темных очках посреди ночи.

Редко.

Может быть, вообще никогда.

— Я Заноза, — сообщил Заноза, оглядываясь. — Я к Турку. Он меня ждет, не дождется.

Здесь пахло оружейной смазкой. Не только от пистолета администратора. Где-то рядом с этой скучной приемной был арсенал.

А тут — две видеокамеры и, на первый взгляд, больше ничего.

— Оставьте оружие в сейфе, будьте добры, — попросил мужчина.

Вспышка гнева от того, что ему указывали что делать, а не спрашивали, не мог бы он оказать такую любезность, оказалась погашена диссонансом между словами администратора и его взглядом. «А лучше вали отсюда» — говорил этот взгляд. Заноза любил, когда люди думали о нем плохо, но не могли сказать об этом.

Когда говорили, впрочем, тоже любил. Он не ссорился с людьми, ему просто нравилось не нравиться.

Он снял с системы кобуры, положил на стойку и получил еще один взгляд. Уже совсем другой. Настроение малость стухло. Если хочешь выглядеть утырком, никому не позволяй увидеть больше, чем белые волосы, черные очки и блестящие украшения. Но тут уж ничего не поделаешь. В детективном агентстве, даже в приемной детективного агентства, не может работать человек, не разбирающийся в оружии.

А металлоискатель, наверное, где-то в дверной раме. Скорее всего, там есть и еще что-нибудь интересное. Если дать себе труд подумать, а не плыть между реальностями на волне опьянения, то интересным должно быть уже и то, что какое-то детективное агентство занимает целый дом в центре города. Но Заноза отмахнулся от этой мысли и пошел туда, куда показали. Не на выход — хотя больше всего администратор хотел указать ему именно на выход — а через приемную к еще одной красивой, и на вид не особо прочной двери.

Был бы Турок человеком, Заноза сказал бы, что у него есть стиль. Войдя в кабинет, он словно перенесся в начало сороковых. Здесь пахло настоящим деревом, настоящими чернилами, настоящим электричеством от ламп накаливания. Интерьер был выдержан идеально, без отступлений и поблажек в виде современной электроники. Даже телефон на безразмерном, темного дерева столе оказался дисковым.

Черный массивный аппарат со шнуром-косичкой. Настоящий. Такой же настоящий, как сам Турок, в своем строгом костюме, пошитом по моде тех же сороковых.

Красивый мужчина, в этом не откажешь. Слишком смуглый для вампира-европейца, каковым он, без сомнения, являлся, но кто знает, чем его накрыло после афата? Кроме застревания, конечно. Оно-то очевидно.

У мертвецов верность эпохе отнюдь не подразумевала чувства стиля. Это был обычный затык в психике — неспособность принять тот факт, что мир меняется. Не все застрывшие могли себе позволить оставаться в привычной обстановке. Турок мог. И оставался. Только и всего.

Скука.

Он был скучным. Ужасно скучным. И костюм этот, скучно-скучного цвета. И вся обстановка, в которую Турок вписывался идеально до смертной скуки. И взгляд — холодный и твердый...

Показалось, что в черной скучной глубине глаз мелькнула искра веселья, и Заноза сердито прищурился. Он не выглядел смешным. Он мог производить любое впечатление в одной и той же одежде, с одними и теми же украшениями и мейком, но — любое, нужное ему. И сейчас он вовсе не должен был развеселить Турка, не должен был понравиться. Какого хрена?! Такому скучному, невыносимо, до судорог скучному мертвяку он не захотел бы понравиться, даже если б это требовалось для дела. Таких надо раздражать, злить,

бесить, выводить из себя. Чтоб стало хоть немножечко интереснее.

Заноза достал сигареты, неизменный «Житан». Пепельница стояла на столике у дивана. Здоровенного кожаного дивана, такого же огромного и тяжелого, как вся здешняя мебель. Но Заноза закурил бы, даже если б пепельницы не было, потому что раздражать и бесить нужно, не считаясь с условностями.

— Ты вроде как должен ввести меня в курс дела. Я Заноза.

— Я вижу, — сказал Турок.

И это было, как будто ударить саблей в незащищенную линию и наткнуться на рипост — парирование и ответный удар.

— Чува-ак, — протянул Заноза с недоверием, — это у тебя такое чувство юмора, или тебе про меня рассказали?

— Это чувство юмора, — судя по тону ответа, во вселенной Турка не было места самому понятию «юмор». И все же Заноза мог поклясться, что за непроницаемым лицом, за холодной тяжестью взгляда, за полным безразличием голоса есть что-то... живое. Настолько, насколько ходячий мертвец вообще может быть живым. Что-то неожиданное.

Кто-нибудь, когда-нибудь курил в этом кабинете без разрешения хозяина? Кто-нибудь на это отваживался? Ответ был очевиден, как раздражающее ярко-желтое сияние лампы. Отваживались, конечно. Всякие придурки, поставившие себе целью разозлить мистера Намик-Карасара. Неудиви-

тельно, что ему смешно. Кто станет злиться, когда понимает, что злят специально?

Дверь беззвучно открылась, и в кабинет вошел еще один вампир.

— Шайзе... — вырвалось у Занозы.

Если Турок был средиземноморским вариантом Хэмфри Богарта, то вновь прибывший — японским. В замкнутом пространстве кабинета стало на двух скучных вампиров больше, чем нужно. Больше, чем можно вынести без ущерба для психики.

Японец коротко поклонился вроде как никому конкретно и вперился взглядом в Турка:

— Мистер Намик-Карасар?

— Мистер Ясаки? — отозвался тот. — Добро пожаловать. Итак, все в сборе. Садитесь, где удобно. Вы двое знакомы?

— Ни хрена. Но я его знаю, — буркнул Заноза, хлопнувшись на диван и все же дотянувшись до пепельницы. Не явись сюда японец, он стряхнул бы пепел на ковер, но одно дело злить раздражающего Намик-Карасара наедине, и совсем другое вести себя по-хамски в присутствии свидетелей. Провокация провокации рознь. А он сюда не драться пришел.

«Ясаки» было прозвищем. Настоящее имя этого японца — Минамото Синдзен — звучало слишком громко даже для того, кто не ставит целью оставаться в тени. Ясаки оставался в тени всегда, хотел именно этого и имя не светил. Заноза

узнал его в сорок первом, когда собирали досье на всех мертвяков, кто мог поддержать нацистов и был реально опасен.

Нереально опасен.

Возраст Ясаки и по крови, и по календарю перевалил за четыре столетия. Его дайны так и не были документированы. Его искусство стрельбы превосходило возможности и людей, и вампиров. И совершенно непонятно, что он делал здесь, в этом кабинете, где вроде как подбиралась команда лузеров для какого-то пустякового дельца, которым тийрмастер решил занять самых отстойных вампиров тийра.

Вот что еще было не так — настроение Турка. Вампир его возраста и статуса, получив контракт от тийрмастера, должен был плясать от радости. Или, если это вампир с внешне-стью и характером Намик-Карасара, сохранять видимое равнодушие, но в глубине души все равно плясать от радости. А Турок, кажется, не находил ничего особенного в том, что его помощь потребовалась главе тийра. Как будто тийрмастер писал ему каждую неделю. И предлагал работу куда интереснее, чем нынешняя.

Концы с концами не сходились, и скука постепенно начала отступать. К тому же японец, в отличие от Намик-Карасара, отреагировал на Занозу правильно. Так, словно сначала примеривался, с какой стороны его лучше разрубить пополам, а потом решил, что руки пачкать не хочется. Нормальная реакция. Естественная.

Приятно убедиться, что с тобой все в порядке. Прийти к

выводу, что не в порядке один из собеседников — это не очень хорошо, но лучше он, чем ты. Всегда лучше, когда проблемы не у тебя.

Заноза слушал, как Турок излагает суть дела, суть просьбы тийрмастера. Тот хотел, чтобы они трое нашли пропавшую женщину. Живую. То есть, живую или мертвую — это уж как получится, но человека, а не вампира.

Гэбриел Су-Лин. Актриса. Молодая, стремительно ставшая известной, благодаря роли в одном из телесериалов студии «Сакред Клэр». Действительно неплохом, к слову сказать. Впрочем, Заноза полагал, что плохого в Англии и не снимают.

Что за дело тийрмастеру до актрисы, пусть и звездной? Выходило так, что дело ему было не до живой мисс Су-Лин, а до мертвого мистера Эмрила, хозяина соседнего тийра. Эмрил заинтересовался актрисой настолько, что начал оказывать ей покровительство. Помог получить роль, сделавшую ее звездой. Подыскал годного агента. Позаботился о том, чтобы она держалась подальше от наркотиков. Наверняка, еще что-нибудь хорошее сделал.

Кто после этого будет утверждать, что вампиры — не больше, чем паразиты в живом социуме? Да любой, кто понимает, что мисс Су-Лин, по всему судя, предстоит стать Службой мистера Эмрила, пить его кровь, сохранять вечную молодость и быть во всем покорной хозяину.

Паразиты? Куда там паразитам до мертвяков?

Зачем Ясаки взялся за эту работу? Что не так с Турком. Что не так с ними троими? Почему тийрмастер решил собрать их в команду? Очень странно сводить вместе двух вампиров, возможности которых никому в точности неизвестны. Да и, кстати, насчет дайнов самого Турка тоже полная неясность. Какими они могут быть?

Заноза разглядывал Намик-Карасара сквозь черные стекла очков.

Разрез глаз, в котором ровно столько восточного, чтобы экзотичность не превратилась в чуждость. Тени под высокими скулами. Короткая стрижка. Военная выправка. Голос, к которому поневоле прислушиваешься.

Дайны власти? Скорее всего. Бывшие военные, став вампирами, сохраняют привычку командовать и самоуверенность, схожую с той, которую демонстрирует Турок. Дайны власти делятся на дайны принуждения и дайны убеждения. Логично ожидать, что Турок владеет первыми, раз уж речь идет о привычке командовать, но при таких раскладах он не веселился бы, глядя, как Заноза пытается вывести его из себя. Дайны принуждения плохо сочетаются со снисходительностью.

Итак, мисс Су-Лин пропала вчера вечером. Именно тогда, когда мистер Эмрил решил, наконец, встретиться с ней лично и пригласил провести уик-энд в небольшом загородном

поместье. Вышли для девушки сроки вольной жизни, пришла пора выпить вампирской крови и превратиться в Слугу. Она что, почуяла недоброе и сбежала?

Нет. Она телезвезда, ее узнают на улицах, за ней следят папарацци, да, к тому же, она связана по рукам и ногам работой. При таких обстоятельствах не сбежишь, не спрячешься. Если мисс Су-Лин почувствовала недоброе, все, что ей оставалось — это найти телохранителя. Более надежного, чем тот, что у нее был. Она не могла позволить себе исчезнуть.

А может, ее похитили? Тогда похитители должны будут как-то дать знать о себе. Попросить чего-нибудь хорошего. Если только это не психованный фанат, который похитил ее для собственного удовольствия. Такого заранее жалко. Любая женщина, когда она чем-то недовольна, за несколько часов способна отравить жизнь, а актриса за тот же срок может довести до могилы.

Как бы то ни было, Гэбриел Су-Лин пропала, а мистеру Эмрилу привезли ее копию. Сару Смит из Уинчелси, крошечного городка в Эмрилтире, победительницу недавнего конкурса двойников.

— Как видите, сходство полное, — сказал Турок, вытащив из папки две распечатки с фотографиями. Одну он по столу передвинул к Ясаки, вторую протянул Занозе.

— Мне не надо, — Заноза мотнул головой, — верю на слово, что похожи.

Не умел он видеть сходство, только различия. Мозги вы-

вернуты, хрена ли тут сделаешь?

— Что рассказала мисс Смит? — спросил он, пока Ясаки смотрел на фотографии. — Эмрил допросил ее, но вместо того, чтобы размотать клубок и добраться до мисс Су-Лин или ее похитителей, сплавил дело тийрмастеру. С фига ли?

— Здесь и начинается самое интересное. Эмрил не смог допросить ее потому, что она ничего не смогла рассказать.

— Да ладно! — Заноза фыркнул, — Эмрил мастер в таких делах, он может трахнуть в мозг кого угодно, да так, что это еще и понравится. Он допросил мисс Смит и знает все, что знает она. Даже то, что она думает, что не знает. Даже если какой-нибудь сраный гипнотизер заставил ее все забыть про это дело, про то, как она оказалась у Эмрила, он все равно это вытащит.

— Ты хорошо знаком с процедурой, — заметил Турок без тени вопросительной интонации.

— Я... — Заноза прикусил язык. Он был хорошо знаком с процедурой, лучше всех, пожалуй. Лучше Эмрила точно. — Так я тут за этим? Раскрутить девчонку на воспоминания?

— В том числе. Как ты сам сказал, если бы над мисс Смит поработал обычный гипнотизер, Эмрилу не составило бы труда помочь ей вспомнить все, что ее заставили забыть. Однако он не смог этого сделать. Значит, речь не идет об обычном гипнозе. Эмрил столкнулся с чем-то непонятным, непонятное случилось на территории Рейвентира, и оба тийрмастера обеспокоены. Это причина, по которой Рейвен попро-

сил о помощи вас, мистер Ясаки, — Турок взглянул на японца и тот коротко кивнул в ответ. — И тебя, — Турок вновь посмотрел на Занозу. — Каждый из нас — мастер в своей области. Мистер Ясаки — великолепный тактик и боец. Ты — специалист по переговорам. А у меня большой опыт поиска пропавших, надежные люди и неплохая техническая база.

— Специалист по переговорам? Это Рейвен так сказал? — губы сами растянулись в ухмылку, — «и если этого утырка случайно прикончат, мир станет чуточку чище», это он тоже сказал, да?

— Очистка мира в мои задачи не входит, — отозвался Турок.

Он не подтвердил слова тийрмастера напрямую, но это и не требовалось. Рейвен ничего не забыл за сорок лет. Зарекся связываться, но все помнил, и вот воспользовался okazji, чтобы попытаться раз и навсегда решить проблему. Необычное дело, необычный противник, неизвестно, чего ожидать — другой возможности тийрмастеру может и не представиться.

Недовольство Ясаки Заноза ощущал, как холодок где-то под кожей. Специалист по переговорам... Круто. Любому мертвяку известно, что когда так называют того, кто получил афат, едва достигнув совершеннолетия, а то и не достигнув, это означает дайны убеждения, развившиеся в весьма специфических обстоятельствах. В условиях, когда на освоение других дайнов просто нет шансов.

Кто дает афат подросткам? Тот, кто хочет обзавестись красивой игрушкой. Нестареющей, долговечной, послушной. И ни на что не годной, кроме довольно узкой области применения.

Из этого правила есть исключения, но их исчезающее мало, и Заноза давно зарекся доказывать, что не все, получившие афат в семнадцать, имеют одинаковый функционал. Вместо этого он научился обращать стереотипы себе на пользу. И живые, и мертвые тратят время и силы на то, чтобы создать себе репутацию, а ему она досталась вместе с афатом. Абсолютно безвозмездно. Не самая лучшая, зато какая устойчивая. На такую основу совсем не сложно оказалось цеплять любой обвес. По обстоятельствам.

Ну, а то, что Ясаки не слишком рад оказаться с ним в одной команде и даже в одном помещении, это не его проблемы.

— Где тебе будет удобнее побеседовать с мисс Смит? — поинтересовался Турок. — Нужно для этого что-нибудь особенное?

— Все здесь, — Заноза похлопал по брошенному на диван рюкзаку с ноутбуком. — Можно взять ее прямо сюда, только нам с ней надо будет остаться вдвоем. А то если вы, ребята, подпадете под удар, я еще и все ваши секреты узнаю.

Ни черта бы он не узнал, никаких чужих секретов. Дайны убеждения могут действовать по площадям, но не в таких

тонких делах, как восстановление воспоминаний. И Турок, будь у него те же дайны, знал бы об этом. Он, может, и знал. Но не стал возражать против того, чтобы Заноза остался наедине с Сарой Смит.

А ту привезли быстро. Через двенадцать минут с момента, как Намик-Карасар распорядился о том, чтобы девчонку доставили в «Турецкую крепость». За это время Заноза успел по-хозяйски расположиться в переговорной, оценил ее техническое оснащение, даже, скрепя сердце, одобрил его, и попытался понять, почему мисс Су-Лин не ищет никто, кроме них и Эмрила. Да и Эмрил не слишком усердствует.

Он, правда, и может немного. Непонятная ситуация в чужом тийре не располагает к активным действиям. Обратиться к тийрмастеру, рассказать о проблеме и предложить сильную помощь в ее решении — это все, что ему позволено. Рейвен в Эмрилтире вел бы себя так же. Простая вежливость, но она сохраняет мир между тийрами. А нарушение этих несложных правил позволяет без лишних усилий развязать войну. Очень удобно, с какой стороны ни посмотри.

Ладно, с Эмрилом ясно. А остальные? Коллеги мисс Су-Лин? Ее агент? Ее друзья и родственники? Они-то почему до сих пор ее не хватились? Да, конечно, время с вечера пятницы до вечера воскресенья каждый человек, живой или мертвый, имеет право проводить, как ему вздумается, хоть в полном одиночестве. Да, мисс Су-Лин могло захотеться уединения. Да, может быть, уже в понедельник ее начнут искать с

фонарями. Но до понедельника далеко.

Найдутся у Турка люди, которые смогут задать вопросы близким актрисы так, чтоб никого до времени не напрячь? Это же детективное агентство. У них работа такая — вопросы задавать и не напрягать без необходимости.

Тоже... специалисты по переговорам.

Заноза хмыкнул. Он сам умел задавать вопросы, ему в этом деле равных не было, но напрягать он умел несколько не хуже. Так что первое второго не отменяло.

Вошедшей в переговорную испуганной девушке вполне подошла бы фамилия Су-Лин или любая другая, овеванная романтикой Поднебесной. А вот Смит из нее, с виду, была никакая.

Красивая девушка. Очень. Тот распространенный случай, когда кровь двух рас, смешавшись, взяла лучшее от обеих. Высокая белокожая брюнетка с миндалевидными глазами, светло-серыми, яркими, тревожными, как у оленя. Заноза пребывал в убеждении, что некрасивых женщин не бывает, однако мисс Смит затмила бы многих. Отчасти она это и сделала, победив на конкурсе двойников Гэбриел Су-Лин. Жаль, правда, что вместо того, чтобы подчеркивать достоинства собственной внешности, предпочла подражать другой женщине.

— Привет, — сказал он, поднимаясь с кресла, — я Заноза.

— Привет, — мисс Смит нервно сжала сумочку обеими

руками, — слушай, я правда ничего не знаю. Я ничего, на хрен, не сделала. Мне надо домой. Мой парень, он в банде, он всех раком поставит, если я сегодня не вернусь, ясно?

Стоило ей заговорить, и магия развеялась. Сара Смит оказалась типичной Сарой Смит, классической, как в учебнике. Понятно, почему она копировала известную актрису, ей просто не на что больше опереться. Своего — ничегошеньки. И взять неоткуда — в Уинчелси нет китайской диаспоры. А додуматься, что она, такая, какая есть, могла бы производить впечатление именно контрастом между внешностью и выговором, внешностью и поведением, внешностью и всей собой — это постараться надо.

Люди не слишком любят стараться.

— Я знаю, что вы ничего не сделали, мисс Смит. Но вы можете помочь нам и мисс Су-Лин. Вам ведь нравится Гэбриел Су-Лин? Садитесь, — Заноза отодвинул для нее стул, — вы, возможно, единственная, кто знает, где ее искать. Просто вы еще не знаете, что знаете.

* * *

— Он хорош, — коротко произнес японец.

Хасан знал его как Минамото Синдзена. Именно так про себя и называл, и не собирался изменять привычкам.

Минамото прислушивался к происходящему в переговорной. Вняв предупреждению про риск подпасть под влияние дайнов, Хасан велел отключить видеокамеры, оставив лишь

микрофоны.

— Рейвен не ошибся.

— Да? — Хасан ответил наполовину из вежливости, наполовину из любопытства. Девушка перестала бояться Занозу сразу, как увидела. Легко пошла на контакт. Но реакция живого человека — не показатель уровня дайнов. Напуганная необъяснимостью обстоятельств, в которых она оказалась, напуганная серьезными и непонятными людьми, в чьем обществе ей пришлось провести последние сутки, Сара Смит, увидев увешанного побрякушками подростка с лэптопом, восприняла его как безопасное существо. Как младшего и слабого. Этого достаточно, чтобы начать разговор по душам. Кроме того, какая-то толика влияния, того, что раньше называлось магнетизмом, есть у любого вампира. Так на основании чего Минамото сделал свой вывод?

— Он умеет не нравиться, — объяснил японец. — Все знают, как такие как он развивают свои дайны. Они инстинктивно стремятся быть привлекательными, потому что не годятся ни на что другое. А... Заноза, — Минамото произнес прозвище с непонятной интонацией, — мог бы нравиться, но не хочет. И у него получается. Кто его ратун?

— Неизвестно.

— Такие игрушки редко выбрасывают. С ними нельзя играть.

Минамото не пытался исподволь выведать, что-нибудь. Просто задал вопрос. Может быть, поверил в то, что Хасан

знает о Занозе не больше него, может быть, нет. Значения это не имело. Важно было лишь то, что расскажет Сара Смит.

Итак, она приехала на кастинг. Якобы телекомпания искала для мисс Су-Лин дублершу среди участников конкурсов двойников. Победа в одном из таких конкурсов, несомненное и признанное сходство с актрисой — Саре Смит этого оказалось достаточно, чтобы принять приглашение, ни на секунду в нем не усомнившись. Расходы брала на себя приглашающая сторона, начиная с номера в отеле, заканчивая гардеробом с полным набором туалетов, в которых Су-Лин появлялась в кадре. Это, по мнению мисс Смит, доказывало, что все всерьез и по-настоящему. Никто не станет отдавать кучу денег за то, чтоб разыграть девчонку из Уинчелси.

Заноза вел допрос быстро, грамотно, и, если Хасан правильно понимал происходящее, отвечая на его вопросы, Сара Смит одновременно еще и составляла фоторобот человека, выдававшего себя за представителя «Сакред Клэр». Человека, который пока был единственной ниточкой к организаторам непонятной аферы. Тот назвался Брюсом Шеди, встретил мисс Смит в отеле, где для нее был забронирован номер, объяснил ей правила кастинга, даже в ресторан сводил. В «Химерию»... Хасан хмыкнул, услышав ядовитый комментарий Занозы:

— Музыка тихая, обслуга на цырлах, дресс-код, еще и счета длиной отсюда и до Альфы-Центавра. Клык на рельсу, Шеди оттягивался за казенный счет.

Сначала мисс Смит в «Химерии» не понравилось — она предсказуемо запуталась в столовых приборах, не оценила поданного к столу вина, да и атмосфера в целом не показалась ей приятной. Но к середине обеда ее мнение о ресторане изменилось к лучшему.

— Насчет оттяга за чужие деньги я промазал, — пробормотал Заноза, адресуясь к Хасану и Минамото, а не к своей собеседнице, — но клык не отдам, потому что он все равно мог выбрать местечко попроще. Сечете, чуваки? В «Химерии» он всю работу и проделал. В присутствии дамы я могу назвать его действия «ментальным сексом», но как только мисс Смит нас оставит, найду более подходящие слова.

...Несмотря на обещание, Заноза не стал искать другие слова для определения действий Шеди. Вернулся из переговорной с ноутбуком в одной руке, распечатками фоторобота — в другой, задумчивый и сосредоточенный. Ничего общего с наглым смешным подростком, ворвавшимся в этот кабинет час назад.

— Выключи верхний свет, — попросил он Хасана и снял очки, — не люблю, когда лампы яркие.

Уселся на диван, вытащил сигарету из мятой пачки, зажмурился и щелкнул зажигалкой.

— Адрес, куда увезли мисс Су-Лин, у нас есть. Мисс Смит сказала, что должна была встретиться с ней, если бы прошла собеседование у Эмрила. И сказала, где. Да вы и сами слы-

шали. Если, конечно, микрофоны в переговорной не бутфорские. У Эмрила этот адрес тоже есть. Он допросил мисс Смит, она рассказала ему все, что рассказала мне. Может, без таких подробностей, — Заноза выдохнул дым сквозь зубы, ухмыльнулся, — я лучше Эмрила, я лучше всех, но фишку он просек. А фишка в том, что Шеди встречался с мисс Смит днем, но при этом пользовался дайнами убеждения. Он или человек, или Слуга, но если Слуга, то старый, а они опасней молодых вампиров. Я не говорю о присутствующих и все такое, так что без обид.

Заноза прикурил новую сигарету от окурка прежней, неискренне улыбнулся Хасану сквозь дым, давая понять, о каких именно присутствующих он только что не сказал.

— Если Шеди — Слуга, — продолжил он, — то старый и нездешний, всех здешних я знаю в лицо. Значит, в Рейвентир явился какой-то могущественный мертвяк-чужеземец и что-то себе мутит. Скорее всего, хочет Эмрилтир, просто зашел издалека. Ничего особенного. Гораздо хуже, если Шеди — человек. Это Эмрила и напрягло. На его подопечную покусился кто-то непонятный, и черта с два этому кому-то нужна Гэбриел Су-Лин. Хрен там, все затеяно ради Эмрила. Вывести его из себя? Выманить куда-то? Спровоцировать на что-то? Он эту ниточку тянуть не стал, сука хитрая, сбросил Рейвену, а тот — нам. Но проблема общая. Все непонятное, интересующееся мертвяками, касается всех. Поэтому в наших интересах узнать как можно больше как можно рань-

ше. Нужно выяснить о Шеди все. Начать с отеля и ресторана. Бронь номера, оплата счетов, допрос персонала — есть за что зацепиться. Дело уже не в мисс Су-Лин, а в том, кто такой Шеди — Слуга или человек с дайнами вампира. Это главный вопрос. Турок, подключай своих людей, пусть займутся картами, которыми он расплачивался, и опросят свидетелей в «Химерии» и в отеле. Я поговорю с окружением мисс Су-Лин. Можно и наоборот, мне без разницы, главное не тормозить с этим. Съездить по адресу, оставленному Шеди, мы всегда успеем, но неплохо бы знать, что заготовлено для тех, кто туда явится.

«Все знают, как такие как он, развивают свои дайны».

Точно все знают?

Хасан удерживался от того, чтобы посмотреть на Минамото. Все равно по лицу японца не прочитать, о чем он думает. А интересно было бы заглянуть ему в мысли сейчас, когда из мальчика, похожего на фарфоровую куклу, выглянул некто, привыкший отдавать распоряжения, а вовсе не получать их. Ошибся Минамото насчет Занозы, насчет игрушек, насчет того, откуда взялись дайны убеждения.

Но парень действительно хорош в своем деле — тут ошибки нет.

— И еще в наших интересах как можно больше знать о возможностях друг друга. Рейвен выбрал лучших, сейчас это понятно, он напрягся не меньше Эмрила и хочет решить проблему радикально. Но лучших в чем? — глаза у Занозы

были подведены черным и, кажется, даже ресницы накрашены. Веский аргумент в пользу предположения Минамото, но с учетом обстоятельств — очевидная маскировочная окраска. — Про тебя я знаю, — он посмотрел на японца, — ты стрелок, охрененный стрелок, каких не бывает. Может, это твои дайны. Уникальные. Может, талант. Я читал про тебя в сказках, ты умел стрелять, еще когда был жив. Со мной тоже ясно — я проиめю мозги любому, у кого они есть. И это действует даже на всякую сволочь, вроде крыс, нетопырей и пресмыкающихся. Еще я зашибись умею стрелять, хотя до Ясаки мне далеко и сказок про меня не складывают. А ты? — он вперился взглядом в Хасана, — что в тебе особенного? — Люди? — предположил Хасан. — Чтобы было понятней, давай посмотрим, кто быстрее соберет сведения о Шеди.

— Пари? — тут же заинтересовался Заноза. Кто же это придумал, что он немец? Внешность нордическая, но поскреби ногтем с любой стороны и обнаружишь чистокровного англосакса. — Ок. Если все разузнаю первым, с тебя полнокровная деваха.

— А если я все узнаю первым, ты ответишь мне на три любых вопроса. Идет?

Хасан получил в ответ улыбку. Широкую и искреннюю.

— Не-а. Нет, чувак, деваху я себе и так достану. А на вопросы я не отвечаю, я их задаю. Так ты хочешь сказать, что у тебя какие-то особенные люди?

— Не такие особенные как Шеди.

— Я понял... да, это может быть правдой. А может не быть, — Заноза встал, закинул на плечо рюкзак с ноутбуком и по пути к дверям остановился рядом с сидящим за столом Хасаном. Наклонился, чтоб посмотреть в лицо. — Ты смеешься, — сказал он серьезно. — Где-то там, не в глазах, а за глазами. Ты не скучный. И ты, — он быстро выпрямился, взглянул на Минамото, — ни хрена не скучный. Рейвен не сказал, что я псих? По-любому, не сказал. Я такой умный, что спятил из-за этого. Слишком умный, чтоб остаться в уме. Он ни за что не стал бы со мной связываться, если б не испугался за свою задницу по-настоящему. Выходит, что нам надо найти и обезвредить что-то, с чем не может справиться тийрмастер, его комес, бойцы комеса и вся королевская рать. Прикольно, да?

Разворот на пятках, хлопнувшие полы кожаного плаща, щелчок дверной защелки. И тишина.

Заноза вымелся из кабинета.

— Насчет психа — это правда? — поинтересовался японец после паузы. В голосе его слышался намек на усмешку.

«Смеешься не в глазах, а за глазами». Интересно сформулировано.

— Он англичанин, — Хасан сказал лишь о том, что было очевидно, — они все тронутые.

— А насчет ума?

— Посмотрим.

ГЛАВА 2

*Не знаю страха и покаянья,
Но на границе чужого сна,
За дверью темной — сокрыто знанье.
Оно способно свести с ума.
Эол*

Определенно, эта ночь складывалась удачно. Заноза даже успел в метро до закрытия.

Работающая подземка удобнее неработающей тем, что из точки в точку можно доехать, а не идти пешком. И еще одно немаловажное преимущество работающей подземки — многолюдье, в котором легко затеряться. Существование в посмертии, увы, диктовало свои правила, и Заноза куда чаще ходил по тоннелям пешком, избегая встреч с бригадами обходчиков, чем ездил на поезде.

Поговаривали, что из-за плохой вентиляции и сильно загрязненного воздуха одна поездка в вагоне метро приносила столько же вреда, сколько выкуренная сигарета. Стоило бы порадоваться за себя — гулять пешком по хорошо проветриваемым тоннелям всяко полезней, чем вдыхать отраву в вагонах. Но Заноза курил больше, чем дышал. Так что нет, он не радовался.

И все же предпочитал «Трубу» всем прочим видам транспорта. Включая автомобиль. Не важно, удавалось ли про-

мчаться из точки в точку на поезде, или приходилось идти пешком. Все равно с поезда лучше сходить за несколько станций до нужной и углубляться в лабиринт тоннелей Северной линии. В те из них, о существовании которых даже обходчики только догадывались и предпочитали тут же забыть о догадках.

Правильно делали, что забывали. Благодаря плохой памяти и нежеланию говорить о том, о чем говорить не следует, обходчики в метро исчезали реже, чем, например, одинокие припозднившиеся пассажиры. Те-то уж никогда никому ничего не рассказывали. То, что многие тоннели «Трубы», заброшенные пути, законсервированные станции обитаемы, было секретом Полишинеля. Но о том, что подземелья не ограничиваются этими тоннелями, этими путями и станциями, знали уже немногие. И с тем, что обитало в темноте ниже метро, предпочитали не сталкиваться даже коренные жители подземелий.

Заноза тоже сначала опасался. В самых черных глубинах тийра таились безглазы, существа, чьи предки были людьми, но утратили все человеческое. А это почти то же самое, что одичавшие собаки, которые опаснее любых волков, койотов или гиен. Но он слышал, что по катакомбам безглазов можно прокладывать удобные маршруты в любую точку тийра.

Кто бы устоял перед соблазном?

Ну, хорошо, многие бы устояли. Почти все. Но не упырю же бояться чудовищ. Тем более, людоедов. Кто ж из людо-

едов польститися на падаль, если метро буквально кишит живыми и вкусными пассажирами?

Он подбадривал себя этими мыслями, когда впервые отправился на разведку в самые глубокие тоннели. И выяснил, что у него хотя бы мысли есть, чтоб приободриться, а у безглазов и того не нашлось. Живущие инстинктами, обонянием и слухом, с разумом искаженным вечной тьмой, с природой, навсегда извращенной людоедством, они боялись его до полусмерти. Боялись мертвеца, явившегося в их темные владения. Прятались от него по норам, затаив дыхание, выдавая себя лишь заполошным биением сердец.

Бедняги. Так же боялись вампиров животные, и Заноза, сначала опасавшийся безглазов, потом слегка брезгующий ими, начал их жалеть, когда понял, что они сродни городскому зверью и птицам, просто кормятся не отбросами с помоек, а людьми.

В прежние времена ему было бы жаль и людей тоже, но вот уже полсотни лет, как он знал, что люди жалости не заслуживают. Безглазы и то лучше.

Сегодня ему не нужно было домой. Сегодня ему нужна была машина.

В Рейвентире Заноза автомобилями почти не пользовался, садился за руль, только чтобы выбраться за город. Не железной же дорогой путешествовать вампиру, в самом деле. Он ведь не стокеровский Дракула, впечатленный европей-

ским и британским прогрессом. Однако нынче ночью привычкам пришлось изменить. Очень много дел, очень много визитов. При всем уважении к возможностям «Трубы», с ее помощью везде не успеть.

Три из шести своих автомобилей Заноза держал в гараже при автомастерской в Хэкни, остальные перераспределял по тийру по мере надобности. Так, чтоб какой-нибудь всегда был под рукой. Нормальные люди, когда им срочно нужна машина, пользуются кэбами, нормальные мертвяки тоже, но где они, нормальные? Уж точно не мечутся из края в край тийра, не вламываются посреди ночи в чужие дома, не задают странные вопросы о Гэбриел Су-Лин и парне, которого кто-нибудь, возможно, видел с ней рядом.

Ни один кэбмен не выдержал бы такой ночки. Услужить был бы рад, даже без дайнов убеждения, но толку-то? А на своей машине можно ездить по-настоящему быстро. То есть, нельзя, конечно. Правила и все такое. Ну, и что?

Правила Занозу не интересовали. Они все, в сущности, сводились к одному — ездить так, чтобы не устроить аварию. Он так и ездил. И, придерживаясь главного, вникать в тонкости считал излишним. Самый верный подход, если пользуешься машиной для того, чтобы быстро добираться из точки в точку, а не для того, чтобы хвалиться перед публикой.

Он побывал у друзей мисс Су-Лин, у ее коллег, у режиссера, заехал в отель «Святой Христофор», где Брюс Шеди снял номер для замороженной Сары Смит, заглянул в «Хи-

мерию», откуда мисс Смит увезли на встречу с Эмрилом. Всюду успел. Всюду его приняли. Всюду рады были видеть. В самом деле, кто же не обрадуется визиту такого представительного упыря в любое время ночи?

Заноза не стеснялся пользоваться дайнами. Считалось, что это опасно для психики — постоянно использовать дайны власти, влиять на людей, злоупотреблять силой — но, какого черта, что может быть опасно для психики, вывернутой наизнанку и пропущенной через шредер? Он давно с трудом различал границу между дайнами и собственным умением убеждать. А если нет никакой разницы, зачем себя ограничивать?

Людям тоже куда приятнее иметь дело с тем, кто им нравится.

На людей к исходу ночи было уже не наплевать. Эмпатия — это не дайны, ее нельзя использовать или не использовать, она просто есть. Эмпат, ощутивший чужую приязнь, неизбежно начинает испытывать ответные чувства, и Заноза, за несколько часов очаровавший одиннадцать человек, вновь, как когда-то в далеком прошлом, стал думать, что люди не так уж плохи.

Ошибочное ощущение. Но приятное. Пока оно сохраняется, кажется, будто люди в состоянии разумно распоряжаться своими жизнями и своим миром, кажется, что они могут понимать друг друга и умеют договариваться.

К завтрашнему вечеру все пройдет. А пока можно насла-

ждаться иллюзиями. Вера в людей — тоже что-то вроде наркотика. Только ломка потом куда хуже.

Суматошная ночь. Но результатами Заноза был доволен. Потому что ничего не понимал. А значит, дело становилось еще интереснее.

Он был прав, предположив, что Брюс Шеди — или как там звали этого типа, на самом деле? — тратил не свои деньги. Но насчет источника ошибся. За мистера Шеди платила не организация, не фирма, не ковен единомышленников. Отнюдь. Номер в «Святом Христофоре» оплатил управляющий отеля. За обед в «Химерии» расплатился метрдотель. Заноза был уверен, что по счетам за гардероб, собранный для мисс Смит, платили менеджеры бутиков, в которых покупали наряды. Но экскурсия по бутикам в ночи не имела смысла, нет там никого по ночам. Пусть люди Турка прогуляются туда днем, может, что-нибудь и выяснят.

И метрдотель, и управляющий «Святого Христофора» не смогли вспомнить мистера Шеди без подсказки с применением дайнов. Зато уж под дайнами вспомнили все. В том числе и потраченные деньги. Заноза погасил их возмущение, убедил, что они стали жертвами аферистов, что делом занимается полиция, а потом, уже успокоившихся, попросил не принимать потери близко к сердцу и забыть Брюса Шеди, как дурной сон. Сработало. Это всегда работает. Когда ты с людьми по-хорошему, они к тебе тоже со всей душой. Про-

сишь вспомнить о чем-нибудь — вспоминают. Просишь забыть — забывают, как будто ничего и не было. А под предлогом полицейского расследования он забрал из «Химерии» записи с камер наблюдения. Мог просмотреть их и сам, пережидая световой день, но предпочел отвезти в «Турецкую крепость». Были люди Турка так хороши, как он говорил или не были, они все равно могли действовать днем. И если в записях найдется хоть что-то интересное, этим можно будет воспользоваться, не дожидаясь заката.

На том ночь и закончилась. Заноза едва успел спуститься в метро — до восхода оставалось каких-то полчаса, когда он нырнул в темноту тоннелей.

Как и положено упырю, сыну ночи, порождению тьмы, домой Заноза являлся из-под земли. И из дома, понятно, уходил под землю. Снаружи его склеп давно зарос плющом, хмелем и клематисом, выглядел крайне романтично, и даже самый невнимательный наблюдатель увидел бы, что каменные двери не открывались уже несколько десятков лет.

Удобно. Безопасно. Еще и красиво.

Фамильный склеп в фамильных владениях — в парке Семендер-холла. И его маскировка была естественной — цветы, плющ, мох — все выросло само. Заноза присматривал за клематисом — тот мог замерзнуть в особо суровые зимы, — но в остальном предоставил природе полную свободу. Да и о клематисе пекся не столько для поддержания маскиров-

ки, сколько из любви к красивым цветам. Он не беспокоился, что кто-то обнаружит его убежище. Склеп располагался в части парка настолько запущенной, что никто не полез бы туда добровольно. Кому надо прорываться сквозь подлесок, обдираться о колючки и спотыкаться на корнях, только для того, чтобы проведать чужих, давно истлевших мертвецов?

Если б в Семендер-холле водились дети, они, конечно, развели бы тут все, содрали цветы и плющ с мраморных стен, обнаружили, что дверь склепа заперта изнутри и черт знает, что придумали бы по этому поводу. Может даже рассказали бы родителям. А люди в нынешние времена пошли нервные и осторожные, им ничего не стоит заподозрить в запертом изнутри склепе гнездо террористов, перевалочную базу контрабандистов или наркоторговцев, или еще что-нибудь, столь же увлекательное и настолько же далекое от правды.

Никто ведь не додумается, что в склепе обитает обычный мертвец.

Поэтому Заноза никогда не сдавал Семендер-холл семьям с детьми.

Владелец дома жил в Америке, в Хайронтире, и называл Хайронтир Нью-Йорком, потому что был человеком, а не вампиром. О вампирах он, наверное, вообще не знал. Создавая себе личности для удаленного взаимодействия с живыми, Заноза не вдавался в детали. Не продуманные до мелочей, эти люди не были настоящими, и он мог пользоваться

ими без риска поверить. А то ведь стоит однажды вообразить, будто парень с фамилией Спэйт действительно живет в Хайронтире, распоряжается оттуда недвижимостью в Англии, даже не помышляя о приезде сюда, и очень легко можно забыть о том, что и фамилия, и недвижимость — твои, а не его. Легко можно забыть, что его просто не существует.

В сочетании с уверенностью в собственном не-существовании, воображение может завести слишком далеко.

...Заноза с удовольствием провел бы день в поиске информации о Ясаки и Турке. Тийрмастер знал о них достаточно, чтобы попросить о помощи, а раз знал тийрмастер, значит, знали и другие. Немногие, но их хватило бы. Заноза давно перестал поддерживать отношения с другими мертвецами, он и с живыми встречался лишь постольку, поскольку нуждался в пище, однако восстановить старые связи не составило бы труда. Кто ему откажет, если подойти к делу правильно? Никто из тех, с кем довелось свести хоть сколько-то близкое знакомство.

Добровольное отшельничество придется прервать, с этим он уже смирился. Даже рад был, пусть и понимал, что радость — следствие использования дайнов этой ночью. Зачарованные люди относились к нему как к лучшему другу, с готовностью отзывались на любые, самые странные просьбы, стремились помочь во всем, в чём угодно. Эмпатия заставляла испытывать в ответ схожие чувства, и каждая новая встре-

ча прошедшей ночи, каждое новое знакомство все сильнее располагали к тому, чтобы покончить с мизантропией, вернуться к жизни, которую вел до конца Второй мировой.

Это пройдет.

Уже много лет он способен был хорошо относиться лишь к тем, кого зачаровывал. Времена, когда люди, живые и мертвые, нравились ему потому лишь, что не делали ничего, чтобы не понравиться, давно прошли. А полсотни лет отшельничества упрочили мизантропию. Попробуй-ка сохранить хорошее отношение к людям, не давая им возможности проявить себя с хорошей стороны! Да хоть с какой-нибудь стороны, кроме самых плохих.

Мысль о восстановлении старых контактов уже не казалась такой удачной, как перед рассветом. Эффект дайнов спадал, да и воспоминания о причинах, сделавших мизантропию и отшельничество естественным и единственным выбором, не располагали к изменению привычного образа существования. Не получится ведь просто явиться из небытия, заявить: «хай, чуваки, я знаю, мы не виделись пятьдесят лет, но прямо сейчас мне нужно, чтоб вы рассказали все, что знаете о Турке и Ясаки», а потом снова исчезнуть. Так не делается. Это некрасиво и невежливо. Кому-то можно будет оказать ответную услугу и покончить на этом на следующие пятьдесят лет, но есть и те, кто вместо услуги пожелает заручиться обещанием. Наверняка, неудобным. Чем-нибудь вроде: «я помогаю тебе сейчас, а ты поможешь мне ко-

гда-нибудь».

Обещать ничего не хотелось. Заглядывать вперед дальше чем на шаг, тоже не хотелось. Хотелось действовать. В первую очередь — добывать сведения о Ясаки и Турке, во вторую — искать что-нибудь на Брюса Шеди. В третью — попытаться понять, что же делает этот Шеди, зачем так громко и нагло заявляет о своих сверхъестественных талантах?

И сверхъестественные ли они, или укладываются в пределы человеческих возможностей? В малоизученные пределы...

Заноза размышлял сразу обо всем, а значит — ни о чем, пока составлял письма, которые с закатом следовало разослать адресатам. Бумажные письма. Электронные. Тексты для нескольких телеграмм и парочки объявлений в «Сан».

Лучший способ добыть информацию — это задать правильные вопросы. Правильным вампирам. И информация, которую он искал, пожалуй, стоила того, чтобы взять на себя дополнительные обязательства.

Если бы он был живым, он мог бы отправить письма прямо сейчас. Если бы он был живым, его адресаты не нашли бы ничего необычного в том, что письма отправлены днем. Но он был мертв, и с каждым рассветом ему полагалось превращаться в труп.

Отвратительное состояние дневного оцепенения принято было называть сном или спячкой, но деликатность названия

не меняла сути. С каждым восходом вампиры умирали, а на закате возвращались к подобию жизни. Среди живых ходили упорные слухи о том, что спящий вампир полностью беспомощен и его легко убить, вонзив кол в сердце. Но даже не говоря о том, что пробивание деревянным колом грудной клетки требовало немалых усилий, к разочарованию тех живых, кто переходил от теории к практике и умудрялся найти вампира, выследить и застать спящим, выяснялось, что слухи о беспомощности сильно преувеличены. От спячки пробуждает любая угроза, а просыпаются вампиры в дурном настроении. И хотя днем они слабее, чем ночью, не та это слабость, на которую стоит рассчитывать.

Заноза воспринимал как угрозу собственные сны. Поэтому не спал. Ни днем, ни ночью. Порой на рассвете его охватывало оцепенение, и он на час проваливался в кошмары, сродни тем, что видятся в мертвом параличе. Но это случалось редко. Он бодрствовал в любое время суток, и благодаря тому, что ему не приходилось просыпаться в дурном настроении, вплоть до конца сороковых был самым дружелюбным мертвецом на планете.

Считал себя таковым, по крайней мере.

К сожалению, вампиры преимущественно консервативны и без восторга реагируют на то, что кто-то ведет себя не по правилам. А еще вампиры очень обеспокоены собственной безопасностью. Бессмертие — слишком хорошая штука, чтобы расстаться с существованием, проколовшись на ка-

кой-нибудь мелочи. Считалось, что любой упырь только и мечтает об окончательной смерти, но в этом было не больше правды, чем в разговорах о дневной беспомощности. Любый вампир знает, что умереть не получится. Любый вампир хоть раз да побывал в мертвом параличе, помнит, что видел и чувствовал там, и не желает себе такой вечности. А ничего другого не будет. Покой заслужили лишь те, кто умер в свой срок, не нарушая законов природы. Остальным природа отомстила отменой законов и правил.

Если не вдаваться в философию, вампиры слишком боятся уничтожения, чтобы позволить кому-то из себе подобных не спать днем. Кто ж его знает, неспящего, что ему в голову взбредет? А ну как возьмет зажигалку и канистру с бензином, и отправится искать убежища уважаемых собратьев. Да что там зажигалка? К чему бензин? Связки кольев хватит. Он же вампир, силы немеряно, вгонит кол между ребер, как шпажку в бутерброд. Это не говоря о том, что будучи вампиром, он знает: не важно, чем пробить сердце — и от кола, и от вязальной спицы эффект будет одинаковым. Или насосется, подлец, вампирской крови, выпьет вместе с кровью душу, тоже ничего хорошего. Проснуться-то жертва, конечно, успеет, но одно дело проснуться и прикончить живого, со всеми живыми слабостями и недостатками, и совсем другое — проснувшись, столкнуться с таким же мертвецом. Сильным, бодрым, готовым к любым неприятностям.

Во избежание неприятностей, тех вампиров, кто не впа-

дал в спячку с восходом, искали и убивали. Возможно, всех перебили. А может, уцелевшие прятались так же хорошо, как Заноза, и так же хорошо скрывали бессонницу. А может, их таких, неспящих, и не было никогда. Кроме тех, кто пил кровь демонов. Но те и солнечного света не боялись, и выглядели так, что ни с кем не спутаешь, и существовали недолго, потому что на их-то уничтожение тийры поднимались целиком, от первого упыря до последнего. Еще и соседей на помощь звали. А прятаться демонофагам сложно — кровь демонов превращает вампиров в чудовищ в буквальном смысле.

К середине утра Заноза выкинул из мыслей и демонов, и вампиров, с головой уйдя в работу. В нормальную человеческую работу. Конечно, с поправкой на полную нелегальность и противозаконность, и на то, что дела приходилось вести от имени множества вымышленных людей, живущих во множестве стран, говорящих и пишущих на множестве языков. Ну, а кто может похвастаться тем, что ведет абсолютно законный бизнес? Что же до виртуальных личностей, так в эпоху глобальной сети только ленивый не обзавелся парой-тройкой таких. Не для бизнеса, так для развлечения.

Заноза упорно держался за мысль о том, что его работа — нормальная и человеческая. И если насчет первого сомнения иногда возникали, то во втором он неизменно был уверен. Потому что занимался самым человеческим делом из всех.

Он работал на войну, на то, чтобы война не заканчивалась, чтобы «горячие точки» давали метастазы, чтобы локальные конфликты порождали полномасштабные боевые действия. Зарабатывать на том, что больше всего ненавидишь — это правильный выбор. Там, где ты ничего не можешь, ты должен извлечь из этого выгоду. Или признать себя неудачником.

А если тебя убили в ночь семнадцатилетия, у тебя и так достаточно поводов считать, что жизнь не удалась.

Надо признать, что до заката не сложившаяся жизнь и деятельное посмертие казались приемлемым сочетанием. А на закате — солнце едва-едва успело скрыться за горизонтом — зазвонил телефон. Мертвецкий. То есть, тот, что был предназначен исключительно для связи с вампирами. Определитель номера утверждал, что звонят из «Турецкой крепости». Там, похоже, весь день ждали заката, чтобы задать уточняющие вопросы по поводу видеозаписей. Никто не додумался позвонить днем, никто никогда до этого и не додумается. Но вроде он сопровождал кассеты достаточно подробными сведениями о том, что именно на них запечатлено и каким временным отрезкам соответствует. Так что же там, в записях, может быть неясного, такого важного, чтобы позвонить, даже зная, что беспокоишь вампира, только-только очнувшегося от дневной спячки?

Звонил Турок. Заноза узнал голос еще до того, как услы-

шал: «это Намик-Карасар». И первые несколько фраз пропустил мимо ушей, пытаясь понять, что происходит.

Прямо сейчас. На закате. Ему звонит вампир. Вампир, который спит днем, а даже если и не спит, то все равно не выходит из убежища, пока солнце не сядет. Получается, что? Получается, этот вампир звонит со своей дневки, из норы, из того места, где он уязвим, куда можно прийти и взять его голыми руками. Сжечь, отрубить голову, проткнуть сердце колом, сделать, что угодно.

Это палево или какая-то хитрость?

Шайзе! Заноза слишком мало знал о Турке, чтобы сделать однозначный вывод... хоть какой-нибудь вывод.

— ...два подряд дела, связанных с вампирами, могут быть совпадением, — сказал Турок, — но я в такие совпадения не верю.

Заноза помотал головой, чтобы встряхнуть или хоть уложить мечущиеся мысли и восстановил в памяти все, что уже слышал. Люди Турка опознали водителя тачки, на которой возили мисс Смит. Его имя Амброз Вимез, и у «Турецкой крепости» есть информация о нем, потому что он уже мелькал в каком-то деле о пропавшем вампире. Косвенно. С краешку. Но если и бывают такие совпадения, то верить в них все равно нельзя.

— Погоди, — попросил Заноза, чувствуя себя так, будто это он, а не Турок только что проснулся, — получается, что ты нашел зацепку раньше, чем я?

— Мои люди нашли. Надо было дожимать тебя на пари, но ты умнее, чем кажешься.

— Поэтому и надо было дожимать. Про умных лучше знать как можно больше... Охренеть, — Заноза нашарил сигареты, — блин, чувак, мне это не нравится. Ты меня переиграл на моем поле. Так не должно быть. И что это за палево со звонком, ты звонишь с места дневки, ты в курсе?

— Из убежища, — невозмутимо подтвердил Турок, — днем я всегда здесь. Но что тебе это даст?

— Твои люди... — протянул Заноза и прикурил, стараясь не смотреть на огонек зажигалки, — в них весь секрет, да?

— Это не секрет. Я вчера сказал тебе и мистеру Ясаки, что в «Крепости» особенные сотрудники.

«И с ними ты ничего не боишься?»

Такие вопросы не задают по телефону.

Нет. Такие вопросы вообще не задают.

— Данные на Вимеза отправлены тебе на... электронную почту, — на миг голос Турка потерял толику уверенности. Ничтожную толику. И всего на мгновение. Но Занозе этого хватило, чтобы приободриться. Современные технологии — зыбкая почва, ага? У Турка отличная команда, но сам он не идеален. Хотя, если подумать, зачем ему быть идеальным, если есть кому делегировать полномочия? — Там только адрес и телефон, но, чтобы поговорить, этого должно быть достаточно. Возьмешься?

Блин!

Нет, Заноза не... что? Не завидовал? Определенно, нет. Не злился? В мыслях не было злиться. Тогда в чем проблема? В том, что люди, живые, обычные, оказались круче в деле, где ему не было равных? Ну, так, опять же, нет. Он — мастер переговоров, а не сбора данных. Дело в звонке из «Крепости», дело в том, что Турок даже не думал скрывать свое убежище. Да, вот оно — чертов ублюдок был уверен, что его люди круче во всем.

И это не злило, это оказалось... интригующим. А отсюда следовал второй раздражающий фактор, такой же значимый, как первый: Турок пользовался его любопытством. Неясно пока, с какой целью, неясно даже, была ли, в принципе, эта цель, или мистер Намик-Карасар просто развлекался. И все же он слишком быстро слишком близко подобрался к тому, что Заноза считал основной чертой своего характера. А значит, теоретически получил возможность для манипуляций.

— Поесть кому-то надо, — пробормотал Заноза. Услышал в трубке вопросительное «хм?», но не стал объяснять, что от голода у него обостряется паранойя. Им еще работать вместе, ему и Турку, и у того будет время узнать, что у Занозы, кроме любопытства, много интересных особенностей. — Да, — сказал он громче, — я с ним пообщаюсь.

— Когда закончишь, загляни в «Крепость», к Шеди лучше не соваться в одиночку.

Теперь настала очередь Занозы удивленно хмыкать, но он сдержался. Услышал краткое «отбой», и под гудки из трубки

выругался на немецком.

Что это, мать его, было? Турок сначала сказал: «ты ни хрена не можешь против моих людей, даже если способен без запинки произнести слова „электронная почта“ и знаешь, что они означают». А потом он сказал: «ты без проблем найдешь нам Брюса Шеди с тем минимумом информации, которые мы смогли для тебя добыть». А, да, в промежутке между этими двумя утверждениями он еще сообщил: «парень, я знаю, тебе триндец интересно выяснить, кто я, и что за команда на меня работает. Ну, так, вперед, выясняй!»

Интересно было все. Не только Турок, но и дело, в которое они ввязались — в которое их ввязали. Люди с дайнами вампиров? Слуги вампира, достаточно старые и сильные, чтобы использовать дайны? Заговор против Рейвентира? Против Эмрилтира?

По пути к Вимезу, летя в вагоне подземки через половину города, Заноза, вопреки привычке, не разглядывал людей, не раздумывал над тем, кто они, чем занимаются, что и кого любят. Вместо этого он так и этак переставлял, подгонял друг к другу имеющиеся факты. Делать окончательные выводы было, пожалуй, рано, но он склонялся к мысли о том, что Рейвен и Эмрил столкнулись с происками вампира. Вимез уже мелькал в деле, связанном с мертвяками, с одним исчезнувшим мертвяком. «Турецкую крепость» наняли найти пропажу, они нашли доказательства того, что вампир был

уничтожен. Тоже результат. Но суть не в гибели постороннего мертвеца, а в том, что дважды оказаться замешанным в вампирских делах может только тот, кто связан с вампирами. Если оставить в стороне совпадения. А какие там совпадения, когда Вимез был за рулем машины, увозившей из «Химерии» Сару Смит?

Значит, в Рейвентир явился мертвяк, достаточно старый, чтобы его Слуги пользовались дайнами, как вампиры. И этот мертвяк бросил вызов сразу двум тийрмастерам. Надеется, стало быть, победить обоих. Кто бы не заинтересовался таким делом? Таким противником.

Занозе, вообще-то, наплевать было, останется ли хозяином тийра Рейвен или власть захватит кто-нибудь еще, и, исходя из этого, называть незнакомого старого упыря противником было нельзя. Но неизвестно ведь, как сложатся обстоятельства. Турок, наверняка, выступит на стороне Рейвена, в его контракте может быть пункт, подразумевающий поддержку нанимателя. Ясаки... умен и осторожен, вряд ли он захочет видеть во главе тийра непонятную старую тварь, вместо понятного, хоть и тоже немолодого Рейвена. Заноза, в свою очередь, предпочел бы размеренное и привычное существование в Рейвентире суматошной и непредсказуемой войне за власть в тийре, меняющем правителя и название.

Или нет?

Здравый смысл — то, что сходило за таковой — сцепился в короткой схватке с желаниями сердца. Драться в послед-

ний раз довелось в пятидесятые. В такие давние времена, что в них и поверить сложно. С тех пор пистолеты в руки он брал только в тире, с противниками не разделялся, а договаривался, конкуренты повывелись сами... сорок лет безмятежного времяпрепровождения, когда хаос нарушает порядок по твоей воле, а значит нарушает не по-настоящему.

Скучно?

Нет, не особо. Стабильность требует усилий. Даже самый лучший механизм нуждается в техосмотрах и текущем ремонте. Но... как давно не случилось никого интересного!

Разве там не должно быть «ничего» вместо «никого»? Плохая оговорка, плохая! Плохой Заноза.

Он улыбнулся, выходя из вагона, и пассажиры, всю дорогу кто неприязненно, кто со страхом косившиеся в его сторону, к немалому собственному удивлению заулыбались тоже. И правда, чего ж не радоваться, когда злобного вида панк наконец-то сваливает подальше? От этого у кого хочешь настроение улучшится.

* * *

Заноза не приехал в «Крепость», он позвонил. Уже в четверть одиннадцатого. И Хасан задумался на секунду, чудится ли ему нотка мстительности в самодовольном голосе или она там действительно есть.

— Мистер Вимез любезно вызвался устроить нам встречу с доктором Шеди, — сообщил Заноза. — Хоть прямо сейчас,

если ты готов приехать, куда я скажу.

Доктор Шеди, значит?

— Он ученый? — поинтересовался Хасан.

— Он психиатр. Я б сказал, у него талант к этому делу.

И не поспоришь.

— Куда ехать?

— Для начала в «Золотого Шмеля». Знаешь, где это?

— Да.

Нужен ли на встрече с Шеди Минамото? Почему нет? В некоторых обстоятельствах три вампира лучше, чем два вампира. Хотя, вспоминая Занозу, следует признать, что иногда и одного слишком много.

Минамото прибыл на место чуть раньше. Хасан, не спеша выйти из машины, несколько секунд наблюдал за японцем, который, в свою очередь, не торопился войти в двери «Золотого шмеля». Стоял на тротуаре с таким лицом, как будто находился не на людной улице в Сохо, а где-нибудь в высокогорном храме в полном и безмятежном одиночестве. От людей вокруг рябило в глазах, от одежды, украшений, причесок и диких манер. Во что превратился Рейвентир за несколько десятилетий?

Впрочем, Хасан никогда не помнил этот город чопорным или хотя бы степенным. Налет безумия патиной лежал на его улицах, зданиях и жителях, придавая даже самым невинным событиям апокалиптический привкус. Минамото со своей

отстраненностью идеально вписывался в окружающий хаос. Заноза охарактеризовал его как сверхъестественного стрелка? Что ж, самое то для Лондона, тяготеющего ко всему сверхъестественному.

— Он не такой, как вы, господин, — подал голос Блэкинг.

— Духи не знают с ним.

— Ты уже говорил об этом.

— Да, господин, — Блэкинг умолк и вышел из машины, чтобы открыть дверь для Хасана.

С японцем что-то серьезно не так, если Блэкинг решил повторить свое предупреждение. Но пока никаких дополнительных сведений о нем собрать не удалось. Духи не то, чтобы скрывали от Блэкинга информацию, они просто не владели ею вне тех областей, которые их касались. Минамото был как раз вне.

Что странно для вампира. Духи обычно благоволят к немертвым.

Японец развернулся и скрылся в дверях «Золотого Шмеля».

Хасан поморщился. Он предпочел бы забрать Занозу и Вимеза с улицы. «Шмель» ему не нравился, хотя из всех мест в Рейвентире, где можно встретить вампиров, этот клуб был самым безопасным и безобидным.

Самым нелепым и глупым.

Публику, которая там собиралась, и живых, и мертвых, можно было охарактеризовать одним словом: «богема». Му-

зыканты, актеры, поэты, художники, писатели и журналисты. Ходили слухи, что их рацион составляют исключительно критики, но Хасан в этом сомневался. Насколько он понимал, критики, даже живые, были теми еще упырями, и вряд ли кто-то из завсегдатаев «Золотого Шмеля» мог справиться хотя бы с одним из них. А для нормального питания одного критика недостаточно.

Правила хорошего тона не рекомендовали использовать дайны в местах, где собирались вампиры, поэтому Хасан обошелся без завесы «тумана». Просто вошел в клуб, огляделся, привыкая к ярким краскам, тусклому свету, взвеси табачного дыма. В отличие от большинства заведений этой части города, в «Шмеле» не было заведено курить что-то, кроме табака. Еще здесь не приветствовалась прилюдная кормежка. Сюда приходили не для того, чтобы поесть.

Заноза был первым, кого увидел Хасан. И, скорее всего, он был первым, кого видел любой входящий в двери «Золотого Шмеля». Привлечение общего внимания — это какой-то пост-эффект дайнов? Он специально это делает или не умеет по-другому?

В тот момент, когда его нашел взгляд Хасана, Заноза во весь рот улыбался хмурому Минамото. Даже встал из-за стола, где восседал в окружении целой толпы живых и мертвых творческих личностей. Японец вряд ли был рад оказаться под прицелом стольких любопытных, пусть и доброжелательных взглядов. Показалось, что парень, сидевший рядом

с Занозой, демонического вида цыган, весь в золоте и с гривой длинных черных волос, вперился в него скорее изучающе, чем дружелюбно.

Или не показалось?

Хасан не знал этого цыгана, но он три четверти участников сборища впервые видел, а цыгане точно не входили в список тех, кем стоит интересоваться. Тоже какой-нибудь художник? Или, того хуже, поэт? Или, самый плохой вариант, просто цыган без определенного рода занятий?

Когда, в ответ на приветствие Занозы, Минамото прищурился и растянул губы в чем-то похожем на улыбку, Хасана передернуло. Нет, мимика японца, определенно не была создана для такого рода упражнений. Это вежливость? Заноза, все-таки, использует дайны, несмотря на правила, и вынудил Минамото реагировать неестественным образом? Или тот, действительно, рад его видеть?

Трудно выбрать из трех равно маловероятных вариантов.

Вимеза не было за столом, он сидел за стойкой бара с тем слегка изумленным видом, какой неизбежен для любого разумного существа, оказавшегося в окружении давно и глубоко неразумных.

Творческие натуры, они все со странностями.

Пора было прекращать балаган, и Хасан пересек зал, подошел к дружной компании, чтобы получить от Занозы еще одну сияющую улыбку. Заразительную. Он с трудом удержался от того, чтоб улыбнуться в ответ.

Ну, гаденыш же, а! Вчера Заноза был в «Турецкой крепости», на чужой территории с чужими правилами, так что сегодня решил отыгаться и притащил их на территорию, которую считал своей. Он не был владельцем «Шмеля», и, насколько знал Хасан, не мог быть завсегдатаем. Потому, хотя бы, что уже несколько десятков лет не появлялся в обществе. А так и не скажешь. Его тут явно держат за своего, рады видеть и вовсе хотят общаться.

Очень похоже на восстановление старых связей.

Цыган скользнул взглядом по Хасану.

Нет, не показалось. Этот черномазый хотел запомнить их с Минамото или пытался вспомнить. Ну что ж, удачи ему.

— Нам пора, — сказал Хасан.

— Ага, — протянул Заноза, — нам пора. Леди... джентльмены, — он раскланялся с сидящими за столом, — рад был видеть всех вас. Постараюсь больше не исчезать.

Эта церемонность в сочетании с кожаным плащом, накрашенными глазами и несчитанными украшениями выглядела диковато. Но трогательно. И, пожалуй, не стоило думать еще и о том, сколько в одежде и поведении Занозы было расчета, а сколько наития. Вполне достаточно того, что он зазвал их в «Золотого Шмеля», чтобы показать... как минимум этому цыгану, а, возможно, кому-то еще.

Восстановление старых связей. Кто будет восстанавливать их просто ради интереса после полусотни лет затворничества?

* * *

Используя дайны убеждения на ком-то, кого хотелось убить, Заноза испытывал двойственные чувства. Определение «двойственные чувства» идеально подходило его состоянию, а состояние было идеальной иллюстрацией определению. Идеал достижим. Разве это не прекрасно?

Прекрасно не было. Ему нравился Вимез, и это было все равно, что любоваться тараканами, кишачими в немытой посуде. Не был бы психом, рехнулся бы от противоречия. С действительностью странным образом примиряли Турок и Ясаки, они были такими нормальными... они были нормальными до такой степени, что не вписывались ни в какие нормы. И у Ясаки Заноза точно вызывал эмоции. Не такие, как Вимез у него самого, но все равно — двойственные. Он казался японцу грязной, но красивой вещицей. Всегда есть выбор: отвернуться от неё и поскорее вымыть руки, или подобрать и попытаться очистить. Вот Ясаки и выбирал. А Заноза им восхищался. По-настоящему. Не столько им самим, сколько его искусством стрельбы, но какая разница, если речь идет о невольной трансляции эмоций? Ясаки почти чувствовал это восхищение, словно бы видел краем глаза, и от этого испытывал... смущение. Смущение и легкую злость.

Заноза не хотел злить его. Ясаки скрывал эмоции, но что скроешь от эмпата? И его чувств было достаточно, чтобы удовлетворить самый взыскательный вкус. Чтобы увериться

— созданный образ работает как надо. Чего Заноза хотел, так это вывести из себя Турка. Тот эмоций не скрывал, просто не злился. Ну, никак. А ведь должен был. Но казалось, все, что делал Заноза, все, что говорил, вызывало в лучшем случае улыбку. Да и ту было не видно — Турок по-прежнему улыбался одними глазами.

— «Роллс-ройс»? — хмыкнул тот, сбивая с мысли.

Ну, да. Блин. «Роллс-ройс». В таком месте такая марка была перебором. Но других Заноза не держал. Не в этом тий-ре.

— Чувак, мы в Англии, — напомнил он. — В Лондоне. Как его ни назови. И это не я приехал в «Шмеля» на тачке с личным водителем. Здоровенный такой черный парень, не припоминаешь? Он еще двери тебе открыл. Ты б снабдил его фуражкой и крагами, что ли, для полноты картины.

Турок окинул его взглядом. В темноте глаз снова заплескалось веселье. Да что ж за проклятье?! Его хоть чем-то можно достать?

— Полностью ручная сборка, — подал голос Вимез, — там механическая коробка передач. И, парни, если вы вдруг не в курсе, он водит как бог.

Профессиональный гонщик, это Заноза о нем уже знал. А сам Вимез не знал, что имеет дело с вампирами. Поэтому и подавал голос без спроса. Плюс глубокая симпатия к самому Занозе и всему, что с ним связано. Плюс инстинктивное доверие хорошего водителя к хорошей механике. Вимез

мог бы выжить, будь он просто хорошим водителем. Но Вимез использовал свои навыки в делах, заслуживающих только смерти. Он сам выбрал. Никто не неволил. Заноза не смог бы его убить. Наверное, не смог бы, он не знал и не хотел проверять, но он показал Вимеза стольким вампирам, что жить тому оставалось недолго. Эту ночь, следующий день и пару часов после заката.

И Шеди тоже не заживется.

— Поехали, — сказал Заноза, — ночь не бесконечная.

Как водит Бог, он не знал. Думал, что, наверное, тот предпочел бы кэб или «Трубу». В бытность свою на Земле в первый раз Господь ходил пешком, разве что в Иерусалим приехал, а не пришел, но нынешний темп жизни диктует свои правила и пешком всюду не успеешь. Так что, если без чудес, то остаются такси и подземка.

Представить Бога за рулем не получалось. Дьявола, да, запросто. Если бы Сатана существовал, то именно он позаботился бы о том, чтоб люди изобрели автомобили. И он-то, по-любому, умел бы водить, как...

Нет, не как Бог.

Заноза не отказался бы погоняться с Дьяволом, хоть на треке, хоть по городу. Но фишка городской езды для него была не только в том, чтобы как можно быстрее добраться из точки в точку, но и в том, чтоб при этом обошлось без аварий. Самому ни в кого не впилиться — невелик фокус,

ты попробуй проехать так, чтобы и из-за тебя никто ни в кого не впилился. Вот это высший пилотаж. Принял бы Сатана такие правила? Заноза в этом сомневался. Вроде как, тот ставил перед собой прямо противоположные задачи: создать как можно больше бардака за как можно меньшее количество времени.

Когда в первый раз пришлось выскочить на встречу, Заноза услышал, как Турок помянул шайтана. И мысленно поставил себе плюс: наконец-то удалось пронять. Да, грубо, но, гадство... что делать-то, если больше ничего не действует?

Скорость тоже не особо действовала, ни она, ни нарушение правил. Но все же хоть какая-то реакция. Или дело в том, что сейчас Заноза не ставил цели достать, потому и достал? Как вчера, когда увлекся задачей, забыл, где находится и как нужно себя вести, и стал раздавать указания Ясаки и Турку? Но вчера они оба восприняли это нормально. Кто первый определился с направлением, тот и сказал, куда идти. Сейчас обстоятельства другие.

Заноза бросил взгляд в зеркало заднего вида, хотел посмотреть, какое у мистера Намик-Карасара выражение лица, и увидел, как тот достал из кармана плаща книжку. В бумажной обложке. Открыл и начал читать.

Это, вообще, что?! Это как?! Если это не образец самого свинского поведения, какое только можно представить, то что тогда образец? И кто над кем сейчас издевается? Кто, блин, кого достал?

— Шайзе, — прошипел Заноза, проносясь через проулок, о котором только он и знал, что здесь может протиснуться автомобиль. В зеркало он больше не смотрел, но мог бы поклясться, что Турок даже взглядом его не удостоил.

Кто бы сомневался, что книжка интереснее?

Поездка заняла меньше времени, чем могла бы при хоть каком-нибудь соблюдении хоть каких-нибудь правил, но Заноза успел перестать злиться на Турка и еще раз обдумать линию собственного поведения. Не в том, что касалось выполнения задачи: «разозли неразозлимое», а в предстоящем разговоре с Брюсом Шеди.

Тот был венатором. Они оба: и Шеди, и Вимез, и те парни, которые сидели в засаде в доме, куда увезли мисс Су Лин. Венаторы — охотники на нечисть и нежить. На вампиров. Поймать даже одного такого — большая удача, такая же, как для венаторов поймать упыря. Благодаря Вимезу, удалось, похоже, выйти на целое гнездо. Загадывать рано, но разве группу венаторов, пытающихся заманить к себе одного старого упыря, нельзя считать гнездом? Допросить еще и их, и, кто знает, может, получится размотать клубочек и найти кого-нибудь из командиров. Найти и убить.

Заноза ненавидел их. Ненавидел настолько, что, случилось, упускал возможность допросить, поддавшись желанию убить на месте.

Не в этот раз. Сегодня он зачаровал Вимеза раньше, чем

узнал, что тот венатор, и теперь того защищали дайны. Заноза собирался зачаровать и Шеди. Спасти от себя. Но не от Турка и не от Ясаки. Когда те узнают, с кем имеют дело, они, естественно, тоже захотят убивать, но они же нормальные, не бешеные, поэтому сначала поговорят.

Ну а с засадой, там как пойдет. Вероятнее всего, кого-то получится захватить живым. Хотелось на это надеяться.

Может, стоило предупредить Турка заранее? Когда договаривались о встрече в «Шмеле». Сказать ему, что Вимез — венатор. Чтобы это не стало сюрпризом.

Стоило, конечно, но это означало упустить возможность вывести мистера Намик-Карасара из себя. Не факт, что срывает, но когда ничего не получается, нужно использовать любые шансы.

* * *

Послевоенной постройки шестиэтажный дом стоял на улочке такой тихой, как будто вокруг был не полуночный, полный жизни мегаполис, а сонный пригород в пятом часу утра. Запах поздних осенних цветов. Раздражающий свет уличных фонарей. Густая зелень вдоль дорожек к парадным.

Вимез бодро направился к нужному крыльцу.

— Ты здесь один, — напомнил Заноза.

— Конечно! — тот был на все готов, лишь бы угодить.

Набрал код домофона, уставился в камеру:

— Брюс. Еще раз привет! Да уже здесь.

Пискнул замок, и Заноза первым вошел в парадное. Никаких консьержей, очень хорошо, меньше свидетелей.

— Вы двое — в лифт, — распорядился Турок, — мы с мистером Ясаки — пешком. Не теряй.

Трудно потеряться на лестнице, значит, он имел в виду что-то другое. Их не будет видно? Турок или Ясаки или они оба умеют пользоваться «туманом»? Видимо, да. Полезная штука. Особенно, когда хочешь попасть в дом, где не ждут гостей, а подходы, наверняка, простреливаются видеокameraми.

Занозу камеры не беспокоили, они его не видели в упор, никакого «тумана» не надо. Тем более, что в записи или, например, на фотографиях, эффект «тумана» терялся. А эффект проклятия, который он получил вместе с афатом — нет. Очень удобно. Если не думать о причинах, по которым тебя не видят ни камеры, ни фотоаппараты, ни даже зеркала.

Шеде жил на третьем этаже. В холл с парой кресел и цветочной кадкой выходили двери двух квартир. В соседней квартире держали собаку. Большую. Но прежде чем она успела подать голос, Заноза прошипел на санскрите: «мы одной крови, малышка». Сработало, как всегда. Это можно было бы сказать и по-английски, но он считал, что санскрит просто-таки создан для первобытных заклинаний. Не Киплинг же придумал про «одну кровь», цыгане используют эту формулу испокон веков. Хотя... может, и Киплинг. Насчет того цыганского племени, у которого ему довелось поучить-

ся всяким полезным штукам, Заноза не был уверен даже в том, что они люди, что уж говорить о национальности.

Все нормальные лондонцы отпирают дверь квартиры одновременно с дверью подъезда, но Шеди нормальным не был. Венаторы, они осторожные. С наступлением темноты так и вовсе становятся параноиками. Вот только вместо дверного «глазка» Шеди пользовался как раз камерой. Ошибка, ошибка, ошибка. Не верь камерам, если имеешь дело с вампирами, и не верь сказкам, что все сказки про вампиров — сказки. Таких как Заноза, без отражения, без тени, невидимых на фотографиях и видеозаписях, были считанные единицы. Пренебрежимо малое количество. Они считались несуществующими и в определенном смысле действительно не существовали...

Но не в том смысле, какой мог бы спасти Брюса Шеди.

Мелодично пропел звонок и после короткой паузы дверь открылась.

— Хай, чува-ак, — протянул Заноза, наслаждаясь мощным зарядом эмоций венатора, среди которых преобладали удивление и страх. — Впусти меня. Не держи гостей на пороге.

Он знал, что имеет дело с чем-то вроде себя, с кем-то вроде себя. С тем, кто способен поиметь чужой мозг и защитить собственный. Поэтому врезал дайнами с силой, рассчитанной на вампира или фейри. Чтобы наверняка. Почувствовал, как чужой удивленный страх сменился такой же удив-

ленной радостью и интересом. Многовато радости, а интерес так вообще зашкалило — воздействие оказалось слишком сильным. Но теперь уже назад не отмотаешь. Да и ладно.

— Конечно, — сказал Шеди, — входи. Как тебя зовут?

Приглашение требовалось повторить еще дважды, но по обе стороны от Занозы материализовались Турок и Ясаки, буквально вдавившие в квартиру Вимеза и оттеснившие Шеди в глубину светлой прихожей.

— Ну? — Турок обернулся к Занозе.

— Пригласи меня, блин, — для убедительности пришлось дважды пнуть невидимое силовое поле над порогом, — где восточное гостеприимство?

Просить приглашения всегда было противно. Хрен поймет, почему. Противно, стыдно, а еще Заноза всегда мерз, пока не переступал порог. И, да, таких как он — неспособных войти в чужой дом — тоже были единицы.

Их тоже как бы не было.

Но Турок не удивился и обошелся без комментариев:

— Входи-входи, — сказал он, повторив приглашение именно столько раз, сколько требовалось, — чувствуй себя как дома.

Вимез не удивлялся ничему. Дайны убедили его в том, что Заноза знает, что делает и в том, что все, сделанное Занозой — хорошо и правильно. Эффект мог продержаться целую вечность, но Вимез столько не протянет — среди завсегда-

таев «Золотого Шмея» были не только прекраснодушные музыканты и поэты-декаденты, сидящие на отборной дури, но и те, для кого разделаться с венатором доставит радость и не составит труда.

Шеди успел удивиться. Когда твой дом берут штурмом, агрессивно, стремительно и без предупреждения, это выводит ситуацию за рамки приемлемой. Но он был слишком рад видеть Занозу...

*...он действительно был **слишком** рад, и это напрягло...*

...чтобы долго удивляться. Успокоился почти сразу, как только понял, что его не бьют и не обижают. Отступил в большую, пустоватую гостиную и развел руками:

— Ни к чему было врываться, господа. Но раз уж вы зашли, присаживайтесь. Мальчик, ты так и не сказал, как тебя зовут.

Что случилось с миром за пятьдесят лет? Теперь что, нормально обращаться на «ты» к незнакомцам?

Заноза не собирался садиться, он собирался держаться от Шеди как можно дальше.

— Доктор Шеди, Амброз, — он взглянул на обоих, встретил два одинаково преданных взгляда, и в кои-то веки почти не ощутил в себе ответной приязни, — я хочу, чтобы вы ответили на все вопросы мои, и этих двух джентльменов.

В отличие от него, Турок и Ясаки приглашением сестры воспользовались. Японец выбрал стул возле окна, Турок —

кресло между Шеди и аркой, отделявшей прихожую от гостиной. Из квартиры был выход на пожарную лестницу, но попасть на нее можно только из кухни, а до кухни Шеди теперь не доберется.

Он, правда, и не хочет бежать. Он хочет отвечать на вопросы. Они с Вимезом оба этого хотят.

Шеди хотел еще чего-то. Сам толком не понимал, чего именно. Зато понимал Заноза, и снова пожалел о том, что перестарался с дайнами.

— Расскажите, кто вы и что сделали с мисс Су Лин, — велел он.

Почти все венаторы были особенными. Заноза не любил слово «экстрасенс», считал его синонимом «шарлатану». Венаторы были особенными. Кто-то в большей степени, кто-то в меньшей, некоторые не осознавали, что наделены способностями, превосходящими человеческие или считали их даром божьим, но, так или иначе, все отличались от обычных людей. А ненормальное тянется к ненормальному, подобное к подобному. И как шарлатаны, именующие себя экстрасенсами, из кожи вон лезли, чтобы развонить о себе, рассказать, похвалиться на публику, так особенные люди стремились скрыть свои отличия, но при этом сознательно или бессознательно искали точки приложения сил.

Многие сходили с ума в этом поиске. Да чего там, они почти все были сумасшедшими. Но кому-то удавалось найти...

объекты для исследования, разные странности, явления или события, которым не было объяснений; явления или события, которых не существовало. Те, кто выживал после таких открытий — выживали немногие — мог остаться любопытствующим дилетантом, целителем, ясновидящим, эмпатом или телепатом на приемлемом для себя «бытовом» уровне. А мог увлечься необъяснимым всерьез. И прискорбно большой процент увлекшихся превращался из исследователей в убийц. Необъяснимое явление. Одно из многих. Какая-то особенность человеческой психики. Чем больше люди узнавали о сверхъестественном, тем сильнее они стремились к его уничтожению.

Общество Мюррей, местное объединение венаторов, додумалось установить контакт с компанией шарлатанов, называющих себя Институтом исследования культурологических артефактов. Сами по себе шарлатаны венаторов не интересовали, заинтересовала их база данных, действительно стоящая изучения.

Надо признать, что если в поверхностном изложении событий, сделанном Вимезом, культурологи и впрямь выглядели шарлатанами, то в рассказе Шеди, знавшего больше, они получались заслуживающими внимания учеными. Не без странностей, потому что для нормального ученого странно верить в существование культурных объектов, наделенных мистическими свойствами, но с достойным уважением систематическим подходом к изучению выбранной темы, ка-

кой бы шизанутой она не казалась.

Венаторам культурологические аспекты никуда не упирались, венаторы на эти аспекты положили, как клали на все, что не могло помочь в истреблении как можно большего количества нелюдей. Им нужен был список артефактов — реально существующих, хоть и не факт, что действительно волшебных, и они его получили. Те предметы, до которых обычные — странные, но обычные — ученые не смогли бы добраться, просто потому, что не могли принять на веру способы, позволяющие сделать это, венаторам были доступны. Их не смущала необходимость вызвать демона, связаться с какой-нибудь дрянью из фейри, поступиться парой-тройкой ценностей из списка «общечеловеческих». Их вообще ничего не останавливало, когда заходила речь об усилении истребительного потенциала. Общество Мюррей шло по составленному культурологами списку и добывало артефакты, один за другим, не исключено, что в алфавитном порядке.

Пользовались ими по мере необходимости. Те предметы, которые требовалось носить при себе постоянно, выдавали самым сильным паранормам на время рейдов или для выполнения миссий. Артефакты, от которых следовало с той или иной регулярностью «подзаряжаться», хранились где-то в штаб-квартире общества, и к ним по очереди получали доступ все, кому необходимо было усилить или дополнить способности. Шеди, будучи необыкновенно сильным эмпатом, получил возможность влить на людей, а не только считывать

эмоции, когда общество предоставило ему доступ к некоей записной книжке с набором банальностей о том, как вести себя, чтоб не нарваться на пулю. Из этой книжки он еженедельно прочитывал одну-две страницы. В произвольном порядке. Содержание не имело значения, достаточно было просто читать.

— Кто-то взял и законспектировал Карнеги, — Шеди пожал плечами, даже не скрывая пренебрежения, — и так поверил в эффективность его советов, что конспект стал... особенным.

Слова «волшебный» он избегал. И правильно. Волшебством тут и не пахло

— Вимезу выдали какую-то подкову или что-то еще лошадиное. Но только на эту миссию. Это ведь он тебя сюда привез? Из Сохо? — Шеди сделал два шага к Занозе, тот подавил желание отступить. — Быстро доехали, не так ли?

— Шпора, — вмешался Вимез. — Шпора, а не подкова.

— Где штаб-квартира? — Заноза начинал злиться, чувствуя растущее напряжение. Злиться, а не проникаться к собеседнику обоюдной симпатией, а значит ситуация грозила выйти из-под контроля, и информация о расположении штаб-квартиры общества стала важнее любых сведений о любых артефактах.

— Маклэт-мэнор в Хэмпстеде, но мы говорим Мюррей-мэнор, — Шеди сократил дистанцию настолько, что отступить, все-таки, пришлось. — Зачем тебе? Хочешь стать

венатором? Тебя уже кто-нибудь, чему-нибудь учит? — он взглянул на бесстрастного Турка, — этот джентльмен — твой наставник? Я мог бы представить тебя кому-нибудь из ординариев. Сколько тебе лет? Есть хотя бы семнадцать?

Как можно быть венатором и не понимать, что в твой дом пришли вампиры? Эффект дайнов. Шеди не в себе, Вимез тоже. Они знают, что что-то очень сильно не так, но им слишком хорошо, чтобы осмыслить происходящее. Их рассудок ищет приемлемые объяснения, приемлемые и успокаивающие. Позволяющие ничего не менять.

Шеди вообразил, что Вимез привез к нему других венаторов. Не состоящих в обществе Мюррей. Ок, это сработало. Но Шеди не был доволен полностью... он с самого начала не был доволен полностью. И дело не в объяснениях, найденных его мечущимся разумом. Дело в том, что вопреки дайнам, он хочет не того, что от него требуется.

— С удовольствием познакомлюсь с ординариями, — Заноза сунул руки в карманы, так было безопаснее. Для Шеди. — Давайте вернемся к мисс Су-Лин и ловушке на ее покровителя.

— Эмрил ей никто, — возразил Шеди, с явной неохотой меняя тему, — девушка свободна и останется свободной. Сейчас ее охраняют, но как только Эмрил будет пойман, мисс Су-Лин приедет в Лондон и даже не вспомнит о том, что было в этот уик-энд. Будет знать только, что провела выходные за городом. Это я убедил ее уехать, — добавил

он, — и я заставлю ее забыть о том, чего она испугалась и почему решила, что два-три дня стоит прожить в уединении в компании надежного телохранителя. У тебя похожий дар, верно? Мне кажется, ты даже талантливее меня, но любой талант нуждается в огранке. Тебе нужен опытный наставник. Скорее всего, ординарии именно мне поручат твоё обучение. Вы ведь не будете против? — Шеди вновь взглянул на Турка.

Турок поднял бровь, и по его виду стало ясно: он против, больше того, не намерен даже рассматривать столь нелепое предложение.

— Да не вопрос... — приободрился Заноза, испытывая к мистеру Намик-Карасару нечто похожее на благодарность, — мы обсудим это попозже. Как вы собираетесь ловить Эмрила?

Шеди должен был ответить сразу. Он должен был хотеть ответить. Но он уже был захвачен другими желаниями, и стремление удовлетворить их постепенно преодолевало воздействие дайнов. Поэтому он замешкался, глядя на Турка, искал аргументы и возражения. Нашел бы, если б Турок сказал хоть слово, однако на молчание, хоть и весьма красноречивое, ответить было нечего.

— Ваш скепсис... — произнес, наконец, Шеди, — когда вы лучше узнаете нас, вы поймете. А пока не буду настаивать. Так что ты хочешь знать? — он снова отдал Занозе все внимание. — Как Сондерс организовал засаду? Я могу рассказать тебе о самом Сондерсе, но что именно он приготовил

для Эмрила, я не знаю. Амброз, ты не в курсе? Это же ты отвез к нему мисс Су-Лин.

— Телекинез, — вот кто готов был помогать всеми силами, со всем желанием и совершенно бескорыстно, — я не знаю. Чаще всего он поднимает и бросает, как бы бьет о землю. Ломает кости. Сразу насмерть. Он сильный, и ему еще выдали ту игрушку, да? — Вимез вопросительно глянул на Шеди.

— Пульт от радиоуправляемого вертолета, — объяснил Шеди. — Да, выдали на время операции. Могут и насовсем отдать. Сондерс на хорошем счету. Но он мой клиент, — Шеди сделал еще несколько шагов к Занозе, — хочешь знать, что Сондерс заготовил для Эмрила? Пойдем в кабинет, я покажу тебе его карту, подумаем вместе. По записям психиатра можно предсказывать поступки пациентов.

Их перемещения по гостиной начинали напоминать хренов средневековый танец с путаными правилами. Шеди наступал, Заноза искал пути отступления. За полсотни лет затворничества он разучился незаметно... избегать близких контактов. Хотелось просто сбежать, еще сильнее хотелось убить Шеди, а еще он очень не хотел, чтобы Турок и Ясаки поняли, что происходит, но опасался, что им давно все ясно. Ладно, они хотя бы не смеялись. Пока.

— Сколько человек с Сондерсом? — спросил он у Вимеза.
— Сколько бойцов в засаде?

— Я никого не видел. Я девушку высадил у ворот и сразу

уехал. Ее должны были встретить.

— Тринадцать, вместе с Сондерсом, — тут же сообщил Шеди. — Пойдем, я все тебе покажу.

Он был прав насчет личных дел пациентов, карта Сондерса могла здорово помочь. Идти с ним, уходить из гостиной, было нельзя, но... куда деваться-то? И не убьешь ублюдка прямо здесь, то есть, прямо там, в кабинете, потому что тело спрятать некуда. Беда с живыми в том, что они даже мертвые создают проблемы.

— Ок, — Заноза справился с желанием поплотнее запахнуть в плащ, — идем, ты все мне покажешь.

Прикоснуться к себе он не позволил. Шеди попытался взять под локоть, показать направление, но в гостиной было достаточно места, чтобы не подпустить одержимого придурка ближе, чем на два шага. И в коротком коридоре, соединяющем гостиную с кабинетом, удалось увернуться от протянутой к плечу руки.

Шеди держал двери в кабинет запертыми. В собственном доме запирал собственные двери. От кого? Все психиатры — двинутые, это точно.

— Сколько тебе лет? — ключ повернулся в замке. Кабинет, в отличие от гостиной, был почти не освещен, но идея снять очки не показалась удачной. Черные стекла давали хотя бы иллюзию защиты. — Ты связался не с теми людьми. Знаешь почему? Потому что люди, с которыми можно иметь дело, не станут подвергать риску жизнь подростка. А твой

наставник и этот... якудза... они подставили тебя, втянув в охоту на вампиров. Азиаты вообще не могут быть венаторами. Они другие. Не христиане, не мусульмане. У них нет Бога. — Шеди развернулся прямо в дверях. Слишком близко. Заноза чуть не ударил его. Пальцы в карманах плаща сжались в кулаки и, кажется, когти прорвали тонкую кожу перчаток.

— Ты хотел показать мне медкарту Сондерса, — напомнил он. Выдохнул и проскользнул в кабинет между Шеди и дверным косяком. Пространство для маневра. Необходимо. В кабинете, пусть тесном, его больше, чем в коридоре. И Шеди здесь вспомнит о цели. Не настоящей, а той, надуманной, послужившей предлогом уйти из гостинной.

Все психиатры — двинутые. Может, дело в этом, а не в том, что Заноза разучился пользоваться дайнами?

— Бумаги там, — Шеди показал на картотечный шкаф. Стильный. Металл и прозрачный пластик, как все здесь. Наверное, психиатрам не нужно вызывать у клиентов доверие и не обязательно обставлять кабинеты старинной мебелью из дерева и кожи, — а кассеты с записями я храню в сейфе. Видео не зашифруешь.

Вообще-то, все шифруется, было бы желание. Но Заноза не собирался дискутировать на эту тему. Шеди использовал шифр в карте Сондерса? Ок. Все шифруется и все расшифровывается. Почти все. То, что придумали люди — уж точно. Пусть Шеди откроет сейф с видеозаписями. В отличие от

взлома баз данных, во взломе замков Заноза был не силен.

Он открыл нужный ящик, вытащил папку с фамилией Сондерса на обложке. Папка была первой, Заноза заглянул в нее, чтобы выяснить, что за шифр использовал Шеди и досадливо фыркнул, убедившись, что тот не придумал ничего сложнее Абаша. Распознавать Абаш с лету Заноза научился еще во времена французского Сопротивления, с его наивными представлениями о шифрах. Но Сопротивление действовало в сороковые, а на дворе девяностые, цифровая эпоха. Когда к твоим услугам сотни шифрующих программ, можно пользоваться чем-нибудь поинтереснее простой замены. Шайзе, да сейчас вообще ни к чему хранить истории болезней в бумаге.

Заноза пролистал папку, зацепился за имя Су-Лин и на несколько секунд забыл и о шифрах, и о Шеди, разыскивающим в сейфе нужные кассеты.

Сондерс был сдвинут на Су-Лин?

Шеди — психиатр. Почему психиатр, а не психолог? То есть... почему Сондерс пользуется услугами психиатра, а не психотерапевта? Психиатры работают с патологиями. Это значит, что Сондерс — сумасшедший? Интересно, а остальные фамилии в картотеке — тоже венаторы?

Заноза не успел спросить. Он зря отвлекся от контроля перемещений Шеди, потому что тот вдруг снова оказался слишком близко, прямо за спиной. Заглянул через плечо в папку. И отступить оказалось некуда. Картотечный ящик

впереди, съехавший с катушек психиатр — сзади.

— Ты же не хочешь сказать, что читаешь шифр без ключа, малыш?

— Читаю, — Заноза закрыл папку, вцепившись в нее пальцами, чтоб не дать вырасти когтям, не разорвать когтями горло Шеди. — Уже прочитал.

Голос Ясаки прозвучал громом с ясного неба, но никогда еще Заноза так не радовался грому.

— Так он нам больше не нужен? — спросил японец, неведь когда успевший войти в кабинет.

Что бы он ни имел в виду, это означало, что Шеди отойдет подальше. Должно было означать. И Заноза, не оборачиваясь, кивнул. Говорить было уже сложно — в груди зарождался рык, и попытка сказать хоть слово выдала бы в нем вампира.

Он чуть не выронил папку, когда точно такой же рык раздался от двери. В одно мгновение Ясаки исчез из дверного проема, оказался рядом с Шеди, схватил психиатра за плечи и отшвырнул к неудобной с виду кушетке.

Отшвырнул уже мертвым.

Шеди умер. Просто... умер. Сам. Его сердце перестало биться, когда Ясаки зарычал.

Чувствуя себя идиотом и одновременно — принцессой-дебилкой, спасенной из лап дракона, Заноза уставился на труп. Потом перевел взгляд на Ясаки.

— Дайны убеждения, — произнес тот абсолютно нор-

мальным голосом, — работают по-разному.

— Убеждения? — Принцесса-дебилка. Факт. — Это дай-ны убеждения? До смерти?

— Я не собирался убивать, хотел только напугать. Он оказался трусом.

— Может, просто сердце слабое?

— Защищаешь? — хмыкнул Ясаки. — Значит, твои дай-ны работают в обе стороны. Почему ты сам не напугал его? Ты можешь больше, чем я, почему не отпугнул, зачем убегал сам?

— Блин, да я вообще не знал, что так можно! Я и сейчас не знаю. Я ни хрена не понял, что ты сделал. Это сойдет за сердечный приступ. — Заноза принялся, как будто по запаху, исходящему от Шеди можно было определить, поверит ли коронер в естественность его смерти.

— Это и есть сердечный приступ. Тебе нужно что-то, кроме этой папки?

Заноза поразмыслил секунду. Выходило так, что выдать смерть Шеди за естественную не получится, потому что ему нужно было все содержимое картотечного шкафа и все касеты с записями сеансов. И не было времени сделать копии. Что ж, придется тийрмастеру решать проблему с трупом. Одно из преимуществ работы на официальную власть — есть на кого переложить уборку.

— Если Шеди лечил одного венатора, он мог лечить и остальных.

— Зачем нам остальные? — о, вот и Турок. Ну, конечно, у кого же хватит терпения присматривать за входом в квартиру, когда в других ее частях происходит что-то интересное? Но, по крайней мере, Турок привел с собой Вимеза, не оставил в одиночестве.

И не мог оставить. Ни один вампир в своем уме не повернется спиной к венатору, не выпустит из поля зрения... На такое способны только вампиры-придурки, зачитавшиеся чужой историей болезни.

Кажется, Заноза привыкал чувствовать себя идиотом. Это уже даже не злило. Плохо дело.

— Вам, может, и незачем... — под рукой не было ничего подходящего, чтобы впихнуть все папки и гору кассет, но где-нибудь в квартире могли найтись коробки, большие сумки, да хотя бы пакеты для мусора, — а я их не люблю.

— И?

Присутствие Вимеза никого уже не смущало. Тот был под дайнами и, даже расстроенный и напуганный смертью Шеди, не принимал во внимание, просто пропускал мимо ушей все, что могло умалить его привязанность и добрые чувства к Занозе. Вимез не слышал Турка, не обращал внимания на Ясаки, он подбежал к кушетке, проверил у Шеди пульс, припал ухом к груди, надеясь услышать сердцебиение.

— Нужно скорую... — произнес неуверенно.

Насчет скорой он сомневался, осознавал, что компания собралась совсем не подходящая для объяснений с врачами.

Зато искусственное дыхание стал делать уверенно. Профессионально.

Без толку, конечно. Шеди умер основательно. Но какой смысл объяснять это человеку, который с ним дружил?

— И если есть возможность найти их всех и убить, я найду их всех и убью, — ответил Заноза Турку.

Тот пожал плечами и посторонился, пропуская его в коридор.

Где-нибудь на кухне или в кладовой должно было найтись что-то... Не может же всю ночь всё идти не так, как задумано.

ГЛАВА 3

*Всё просто, видишь... мои Амуры стреляют
метко.*

Тара Дьюли

Двадцать минут спустя Заноза сидел перед монитором в фургоне, под завязку набитом аппаратурой, а сам фургон ехал сквозь дождливую ночь напрямик в засаду венаторов. Перед ним, будто прокладывая для большого автомобиля проход через сложный фарватер, неся «роллс-ройс» с мистером Вимезом за рулем. Надо сказать, что фарватер действительно был непростым — проселочные дороги сплетались в причудливый, лишенный системы узор — без помощи лоцмана, того и гляди, пришлось бы блуждать по ним до рассвета. А днество в фургоне мало удовольствия.

Прежде чем доверить Вимезу быть проводником, оставив наедине с Минамото, занявшим штурманское кресло в «роллс-ройсе», Хасан спросил у Занозы, как долго продлится действие дайнов. Как долго Вимез будет сохранять лояльность.

— Не знаю, — Заноза, кажется, удивился вопросу. — Всегда? Меня еще никто не разлюбил. Из тех, кто выжил, понятное дело.

Всегда? До самой смерти? Если Заноза не врал, если он

не ошибался, то его дайны обладали какой-то небывалой силой. Сказки о том, что под действие вампирского магнетизма можно попасть навеки, приходилось слышать всем, но сказки есть сказки. В реальности такого не случалось. В реальности, вампир с такими способностями мог... хм, спрашивается, чего он не мог? И если Заноза, действительно, был так силен, что заставляло его жить затворником в какой-то неведомой дыре?

Правда, если Заноза действительно был так силен, это объясняло желание тийрмастера избавиться от него под любым благовидным предлогом.

Нет. Отличать сказки от реальности Хасан умел. И вечные дайны оставались сказкой. Однако этой ночью на Виме-за можно было полагаться.

Фургон трясся по грунтовкам, разбрызгивая воду из-под колес. Хасан время от времени поглядывал в окно, но в основном наблюдал за Занозой и Арни. За Арни, наблюдающим за Занозой.

Лучший технический специалист «Турецкой крепости», программист, математик, доктор наук, Арни каким-то образом умудрился ни на день не повзрослеть за время, прошедшее с тех пор, как Хасан дал ему свою кровь и сделал Слугой. То ли это был какой-то побочный эффект от воздействия крови вампира-мусульманина на организм иудея, то ли натура Арни попросту не предполагала взросления, как бы то ни было, парень не только выглядел, но и вел себя на свои

двадцать с небольшим. И делал это последние тридцать лет. Обращенный в Слугу в бешеные шестидесятые, он успешно и с энтузиазмом сводил с ума остальных постоянных обитателей «Турецкой крепости». Слишком серьезных и слишком взрослых, на его взгляд.

Хасан знал, что у других его Слуг есть чувство юмора. У каждого свое, но... в среднем по «Крепости» более-менее одинаковое. Арни отличался от всех. Представитель иного поколения, а, с учетом войны — иной эпохи, он так ни с кем и не нашел общего языка. Потом, с годами, потерял возможность общаться со сверстниками. Единственной отдушиной для него стала наука, но и там не все было гладко, ведь даже гениальные математики, как выяснилось, хотят публиковать открытия под собственным именем. И не получают полного удовлетворения, анонимно подбрасывая идеи в научное сообщество. Впрочем, неудовлетворенность своим положением и кругом общения, была не настолько сильна, чтобы Арни отказался от перспективы и дальше продолжать почти бессмертное существование.

Хасан говорил с ним об этом. Ни с кем больше, только с ним. Арни был особенным. Из всех Слуг — единственным, с кем не довелось вместе повоевать, и хотелось верить, что никогда не доведется. Данное когда-то его отцу обещание позаботиться о сыне не предполагало вовлечение парня в военные действия. А еще — накладывало ответственность.

И Хасан не устал благодарить Аллаха за то, что Арни

хотя бы не был хиппи.

Сейчас, глядя на него и на Занозу, он думал, что Аллаха следует поблагодарить еще и за то, что Арни не был панком.

Сегодня Арни взяли с собой, чтобы он помог Занозе разобратся с оборудованием для просмотра видео, если вдруг возникнут какие-то проблемы. Это был официальный повод. Иначе говоря, предлог. Фактически же, выяснив, что прошлой ночью его драгоценной аппаратурой в переговорной пользовался посторонний вампир, Арни рассвирепел, и лишь инстинкт самосохранения удержал его в границах дозволенного Слугам выражения претензий к господину. Содержимое же этого фургона было для Арни дороже всего технического оснащения «Турецкой крепости», включая переговорную. Если б Занозу и сюда впустили без надзора, границы дозволенного оказались бы перейдены, или Арни лопнул бы от возмущения. Хасана не устраивали оба варианта.

— Знаешь, что, чувак, — сказал Заноза, когда понял, что ему навязывается непрошенный консультант, — не у всех мертвяков есть в штате технические специалисты. Я б даже сказал, что не у всех мертвяков вообще есть какой-то там штат. Так что некоторым из нас, в отличие от твоего босса, приходится самим вникать, как что работает.

— Босса? — переспросил Арни.

Он смотрел, как Заноза с бешеной скоростью щелкает тумблерами и нажимает на кнопки на пульте, который, вроде бы, видел впервые в жизни, и взгляд его слегка расфоку-

сировался.

— Ну, Турка. Мистера Намик-Карасара. Хрен знает, как вы его называете. Бек? Сахиб? Маса?

— Господин.

— Тоже нормально. Короче, у него есть ты, у меня тебя нет, поэтому я умею все делать сам. Выбирать не приходится, ясно?

— Я думал, вампиры... э-э... консервативны в силу своей природы, — пробормотал Арни после паузы.

— Консервативны, — повторил Заноза с явным удовольствием, и оглянулся на Хасана. — Консервативны... Охренительно, чувак, я уже люблю это слово.

Вот тогда Хасан и подумал, что с Арни ему повезло дважды. Тот не только не был хиппи или панком, он к тому же никогда не ставил своей целью вывести из себя всех окружающих. Выводить-то выводил. Но не нарочно.

А Заноза не ленился прилагать усилия к тому, чтобы всех раздражать.

Правда, именно из-за усилий это и не работало.

Запись на мониторе неслась в ускоренной перемотке, звук сливался в мышинный писк. Арни сунулся было, показать, где настройки скорости, но Заноза помотал головой:

— Так быстрее.

— Определенно, — согласился Арни с теми интонациями, которые нормальные люди используют, разговаривая с

сумасшедшими.

На этом в фургоне воцарилась тишина. Арни напряженно следил за Занозой, трое Слуг из состава боевой группы тоже помалкивали, изучали план дома, где ждала засада и иногда поглядывали на белобрысого вампира с легким любопытством. Такое чудо, украшенное и накрашенное, в черной коже и подбитых титаном ботинках, даже на лондонских улицах встретишь нечасто, а уж в мобильной лаборатории «Турецкой крепости» оно вообще не могло оказаться. Однако вот, сидит, пырится в монитор яркими от густо нанесенной на веки туши синими глазами, слушает бессмысленный писк из динамиков. Зачем? Почему? Что он тут делает?

— Не компанейский парень, — Заноза нажал на паузу, и расплывавшееся на мониторе невнятным пятном лицо Сондерса приобрело четкие очертания, — людей ему дали, но командовать ими он не станет. Позиции в доме они будут занимать из собственных соображений. Сондерс на них не полагается, только на себя.

Он снова включил запись.

— Что у него с головой? — шепотом спросил Арни. — Он же и правда что-то там разбирает.

С головой у Занозы было плохо. Но хорошо. Такое плохо, от которого есть польза, пока нет вреда. А тот вскоре снова остановил прокрутку.

— Ни хрена не пойму, но мы не туда едем. Мисс Су-Лин не могли оставить с Сондерсом, он на ней слишком сильно

сдвинулся. Не стал бы ею рисковать. Либо там нет никакой засады, либо ее держат в другом месте.

И почти сразу с водительского места развернулся Блэкинг:

— Господин, нужный нам дом в другом направлении.

Вот, что бывает, когда не берешь на себя труд перепроверить имеющиеся данные. Почему все были уверены в том, что актрису держат там же, где ждут Эмрила? Потому, что Эмрил должен был прийти за ней, а не за устроившими засаду венаторами. Его дайны позволяли обнаружить присутствие девушки в доме с расстояния прямой видимости, что, вроде бы, делало обман бессмысленным. Но дайны можно обмануть с помощью личных вещей мисс Су-Лин, пряди ее волос, нескольких капель крови.

Кровь не обязательна, поэтому вряд ли венаторы использовали ее. Шеди и так запугал мисс Су-Лин достаточно, чтобы она сочла за благо нанять рекомендованного им телохранителя и уехать из города. Шеди, наверное, мог бы убедить ее отдать немного крови, но к чему усугублять?

Фургон и «роллс-ройс» стояли на обочине, аварийные огни тускло светились сквозь дождь, а внутри фургона Вимез осторожно тыкал пальцем в один из экранов, в путаницу проселочных дорог на карте:

— Вот сюда я ее привез, их обоих, то есть, девчонку и Брэдли. Он ее охраняет. Ну, я говорил.

— А Сондерс здесь, — Заноза сделал что-то, и карта на экране сдвинулась, — не так уж далеко. Наша задача забрать мисс Су-Лин, а не прикончить Сондерса. Вроде как. Но у нас целая ночь впереди, мы и туда, и туда успеваем.

— Одного венатора мы сегодня уже убили, — Хасан бросил взгляд на невозмутимого Минамото. — Или сердечный приступ не считается?

Заноза пожал плечами:

— Считается, но всегда можно больше.

Хасан к венаторам личной неприязни не испытывал, но чем их меньше, тем лучше, это верно. Особенно таких как Сондерс или Шеди — наделенных сверхъестественными способностями и вооруженных усиливающими способности артефактами.

— Я, вообще-то, Сондерса и сам могу, — добавил Заноза. — Он же не меня ждет, а Эмрила. Ко мне он не готов.

Это решило дело. Тийрмастер очень хотел бы, чтоб Заноза выкинул что-то в этом роде, тийрмастер недвусмысленно намекал на желательность такого исхода. А любой вампир, в чьем уничтожении заинтересованы столь серьезные фигуры, представляет интерес будучи одним куском, а не кучкой пыли.

— Начнем с засады, — распорядился Хасан, — потом заберем мисс Су-Лин.

Дождливая темная ночь как нельзя лучше подходила для штурма. Видимость никакая, вода шумит, барабанит по крыше и окнам, еще и холодно. Октябрь, так-то, месяц теплый, но сегодня погода не задалась. Заноза на месте парней Сондерса не стал бы дежурить снаружи, кому оно надо в такой ливень и в такой холод? Никто ведь не обещал им, что Эмрил нагрянет именно сегодня, так и хрена ли напрягаться?

Он попытался представить себя венатором, ожидающим нападения вампиров, и решил, что не стал бы дежурить снаружи в любую погоду. Вампиры на открытом пространстве опаснее, чем в помещении. Бегают, прыгают, мельтешат — не уследишь. Кусаются, к тому же.

Это, правда, еще надо заслужить.

Подъезжать к коттеджу на машинах не стали: кавалерийскую атаку Турок не планировал, рассчитывал войти в дом незаметно. Так что к выбранному месту стоянки под прикрытием живой изгороди подбирались с погашенными фарами. Двое Слуг тут же отправились на разведку. А через несколько секунд дверь откатилась, и в фургон поднялся Ясаки.

— Гражданских в доме нет, поэтому мы можем пренебречь осторожностью, — Турок откинул сдвоенное сиденье кресла, оказавшегося оружейным сейфом, вытащил оттуда два бронежилета и пару касок. — Надень, — он сунул жилет и каску в руки Занозе, — мистер Ясаки... — японец получил второй комплект брони.

Заявлению о том, что осторожностью можно пренебречь, это не слишком соответствовало. Ясаки, впрочем, не возражал. Снял плащ и облачился в бронежилет. Оставшийся Слуга, Арни Файн, тот, что поначалу очень переживал за аппаратуру, которой был оснащен фургон, помог ему затянуть ремни, подогнать жилет по размеру. Заноза от помощи отказался — еще не хватало. Он бы и от брони отказался, но это было глупо. В бой с тринадцатью противниками, чьи возможности неизвестны, а оружие не хуже, чем у тебя, можно связываться и без бронежилета, но зачем?

Хотя, насчет оружия — это вряд ли. Пистолетов лучше, чем у него, точно ни у кого не было.

Файн выдал им с Ясаки гарнитуры с довольно удобными наушниками. Такую же почтительно положил перед Турком. Тот чуть скривился, но гарнитуру взял, значит, был небезнадежен. В практике Занозы встречались клинические случаи, когда мертвяки, застрывшие во времена получения афата, не могли отказаться от старых привычек и не в силах были обзавестись новыми. Только Слугами и спасались. Если бы оказалось, что Турок не приемлет современных средств мобильной связи, Заноза бы не удивился, но так, конечно, было гораздо проще.

Разведчики вернулись через четверть часа. Быстрый осмотр местности и дома — у них больше времени ушло на то, чтобы пройти туда-сюда. Доложили о том, что окна закрыты ставнями и забраны решетками, о размещении видеока-

мер, об отсутствии охраны снаружи.

— Нам оставили два входа, — констатировал Турок, — парадная дверь и черная. Ждут у обеих. Хорошо. Мы войдем через стену...

Из того же сейфа он извлек гранатомет, русский РПГ-7. Неувядающая классика, чему, казалось бы, удивляться? Заноза подавил желание пренебрежительно пфффыкнуть.

Он не возил с собой гранатометы. Ни в одной из своих машин. А Турок возил.

Ну, и что?

— Сделаем два пролома, — Турок отметил два места на карте, в западной и северной стенах, — дом не старый, кладка не настолько толстая, чтобы создать проблему. Среди ваших дайнов есть «туман»?

Ясаки кивнул.

Заноза помотал головой. Никакого «тумана», ничего похожего. Он не умел отводить глаза, умел только привлекать к себе внимание.

— Я могу скрыть нас троих, — сказал Ясаки.

— В таком случае, пойдем с разных сторон. Пока я не дам сигнал атаковать, прикроете Занозу и Блэкинга.

Черный гигант, сидевший за рулем фургона, бросил хмурый взгляд в салон, молча открыл дверь и вышел в холод и дождь. Очень большой парень, какой-то ненормально большой. Рядом с ним и Заноза, и Ясаки будут выглядеть... блин, да никак. И о каком почтении Слуг к вампирам можно го-

ворить, когда один Слуга больше двух вампиров вместе взятых? Хорошо, что под «туманом» их хотя бы не видно со стороны.

А когда начнется штурм, «туман» слетит, но там он уже и не понадобится.

— Что ж, — Турок сложил карту, — если вопросов нет, выступаем.

...Где Блэкинг взял второй гранатомет, Заноза не понял. И не вникал. «Мерседес» Турецкой Крепости был полон сюрпризов изнутри, так почему сюрпризам не быть снаружи? Турок вышел из фургона и исчез — растаял в потоках воды. Значит умел уходить в «туман» у всех на виду. Необычно для того, кому не исполнилось и ста лет после афата. «Туман» — дайн непростой, требует времени на освоение.

Они трое — Ясаки, Блэкинг и сам Заноза, тоже стали невидимы для любого наблюдателя, но их скрыл «туманом» Ясаки, а ему лет гораздо больше, чем Турку.

До места добрались быстро. Блэкинг, хоть вампиром и не был, гранатомет и подсумок с гранатами нес, как будто те ничего не весили, темп держал, не напрягаясь. И не шумел. Пер через мокрый парк, как танк, но хоть бы одна ветка под ногой хрустнула. Бушмен хренов. Хотя, нет, бушмены мелкие. А этот — зулус какой-нибудь. Зулусы — естественные враги англичан, между прочим.

Мыслей о том, к какому племени принадлежит черный гигант, как раз хватило до выхода на позицию. Самое время подумать о поражении под Изандлване¹, когда дикий черный парень должен обеспечить тебе успешное начало штурма английского дома.

Будь коттедж поновее, проломы сразу в двух стенах могли бы сложить его внутрь — в строительстве с некоторых пор стали использовать никудышные материалы. Это решило бы проблему с засадой венаторов, и можно было бы отправляться спасать мисс Су-Лин.

Почему никто не сообразил захватить в рейд побольше взрывчатки? Заноза не сомневался, что будь у Турка с собой достаточный запас С-4, вместо того, чтобы штурмовать коттедж, они заминировали бы его, взорвали и убрались восвояси. Но никто ведь не ожидал, что актрису держат в другом месте. А взрывать дом вместе с заложницей — плохая идея. Обычно.

Хотя раз на раз не приходится.

Сигнал от Турка ждать себя не заставил. РПГ на плече Блэкинга коротко грохнул, выплюнув гранату. Два взрыва, проломившие две стены — северную и западную — слились в один, раскатистый и мощный. Заноза и Ясаки ворвались в пролом прежде, чем дождь погасил заметавшееся по саду эхо, прежде чем перестала сыпаться кирпичная крошка.

¹ В битве под Изандлване зулусы уничтожили британский отряд, убив 1329 человек.

Пустые комнаты, никакой мебели, лишь укрытия из мешков с песком. Защита от пуль, от осколков гранат.

Защита? Ха!

Это было весело и быстро. Уж всяко веселее, чем под Изандлване. Расстреливать мелькающие в дыму и пыли силуэты, слышать, как пули врезаются в кости, как выплескивается мозг из расколотых черепов. Идти сквозь злость, изумление, ужас, почти чувствуя, как собственное не бьющееся сердце останавливается вместе с каждым из человеческих сердец.

Заноза не любил убивать, он терпеть не мог убивать, но убийство венаторов доставляло удовольствие, как любая хорошо сделанная, полезная и нужная работа.

Он считал выстрелы — рефлекс, оставшийся с тех времен, когда он не мог определить опустевшую обойму по изменившемуся весу оружия. Слышал свои пистолеты, пистолеты Ясаки. Турок не стрелял. Турка было не видно и не слышно, он по-прежнему скрывался за «туманом», а когда доходит до стрельбы, «туман» не удержишь. Стало быть, орудовал саблей.

Некоторые вампиры умеют это — убивать холодным оружием прямо из «тумана». Ясаки наверняка так может, просто предпочитает стрелять, а не рубить и резать. Турок для этого слишком молод, но... Непонятно все с Турком, короче. Не до него сейчас, сейчас надо убивать венаторов.

С обычными людьми было бы проще, обычным хватает

двух выстрелов: одного — чтобы убить, второго — для верности. Венаторы в простоте даже умереть не могли. Каски, бронежилеты, и, как будто этого мало, повышенная живучесть. Шеди не говорил о том, что людям из группы Сондерса выдали какие-нибудь артефакты, но они могли пользоваться предметами, от которых достаточно подзарядиться. Понюхать воду из Стикса, попыриться на драконью кровь... Шайзе, да если чудотворными оказались конспект по Дейлу Карнеги и старая шпора, то любой подлости можно было ждать от любого мусора.

Однако, пусть не двумя выстрелами, а четырьмя, но убивать получалось, и за первые секунды боя они с Ясаки прикончили пятерых. Тех, кто выбежал на грохот взрыва. Остальные попрятались, а поскольку засада была рассчитана на вампиров, пусть и на социального Эмрила, а не на проламывающих стены социопатов, спрятавшиеся венаторы могли попытаться создать проблемы.

Что-нибудь, связанное с огнем, святой водой, крестами или мезузами...

Это в лучшем случае.

Значит, главное не останавливаться, не дать живым времени на подготовку.

Секундное затишье, как будто Турок на своей стороне тоже прикончил всех, кого видел. А потом тишина снова взорвалась выстрелами. Пули прошли воздух, вспыхнули обои, деревянные резные панели зашлись пламенем.

Зажигательные пули...

Заноза не успел даже испугаться, они с Ясаки одновременно нырнули вниз, перекатились к дверному проему, из-за которого шла стрельба. Ясаки одним прыжком оказался за баррикадой из мешков, Заноза запрыгнул на нее, стреляя во все, что двигалось.

За спиной обвалилось что-то еще и стены заметно просели.

Стало тихо.

Два трупа венаторов за баррикадой, пять — в сгоревшем зале. Семеро из дюжины, охранявшей Сондерса. Где остальные? Почему их не слышно? Не мог же Турок... или мог?

— Спускайтесь в подвал, — Турок словно ждал, пока о нем вспомнят, — здесь всё. Теперь Сондерс.

Всё, значит? В одиночку убил пятерых венаторов с зажигательными боеприпасами. Одно попадание такой пули не в бронежилет, а в тело — верная смерть от огня. Почти верная, ладно. Не все вампиры одинаково хорошо горят. Так что же такое этот, мать его, Турок? Какой-то огнеупорный вампирский Терминатор?!

Не время об этом думать. Сейчас на очереди Сондерс. А потом — поездка за мисс Су-Лин.

Сондерс с самого начала должен был выбрать в доме самое безопасное место. Эмрила привели бы туда дайны, если б засада не уничтожила раньше, и там Сондерс намеревался

разделаться с ним. Безопаснее всего было в подвале: один вход, ни дверей, ни окон, а предполагаемое присутствие мисс Су-Лин не позволило бы Эмрилу использовать гранаты.

Тут Сондерс просчитался. И из подвала ему не сбежать.

Судя по информации в личном деле, этот тип со своим телекинезом, увидев гранаты, мог локализовать взрыв, не дать осколкам разлететься. Но куда он денется от взрывной волны? Ее-то не видно. А Турок — единственный, у кого были гранаты, — должен был бросить их сразу восемь, в разных направлениях, и так, чтобы у Сондерса не осталось времени отреагировать. Дайнов скорости у венатора точно не было. Ни у кого из них не было. Правда, пули их как-то хреново брали, но осколки восьми гранат в замкнутом пространстве, плюс, опять же, взрывная волна — что-то должно было подействовать даже на Сондерса.

Заноза запоздало понял, что убитые венаторы промедлили со шквальным огнем потому, что перезаряжали оружие. Меняли обоймы. Рядом с трупами валялись сброшенные, полные. Он поднял одну, выщелкнул пару патронов. Бронебойный и обычный, со свинцовым сердечником, — нормальное сочетание для боя против нормальных людей, но против вампиров бронебойные патроны лучше чередовать с зажигательными, как, наверняка, и сделано в обоймах, которыми сейчас заряжены винтовки. Почему же венаторы с самого начала не использовали именно их?

Ясаки достал нож, вонзил в одно из тел. Лезвие вошло от

силы на четверть. Японец бросил на Занозу короткий взгляд:
— Как деревянный.

Что и следовало доказать. Пули не брали бы венаторов, если б Заноза и Ясаки не стреляли в головы. Да и в головы брали не очень. И в доме, наверняка, были еще какие-нибудь сюрпризы, не сработавшие из-за разрушения стен. И из-за того, что сделал Турок, чем бы это ни было. Не мог же он убить пятерых сверхпрочных венаторов без каких-нибудь особенных дайнов. Знать бы еще каких!

Ладно, про Турка расскажут Джейкоб и Лайза, они на него посмотрели, теперь им нужно только время, чтобы собрать информацию. Спешить некуда.

А Турок так и не дал увидеть себя, не выходил из-под «тумана» и правильно делал. Неизвестно чего ждать от экстрасенсов. У Сондерса не было никаких прорицательских способностей, но это не означало, что он не может воспользоваться чем-нибудь из арсенала Мюррей. До начала штурма в доме были установлены видеокамеры, от которых никакой «туман» не спасал, и данные с них, по-любому, тоже поступали Сондерсу, но где сейчас те камеры? Заноза с Ясаки позаботились о тех, которые заметили, и Турок, наверняка, тоже.

Увидеть себя он не дал, но дверь в подвал оказалась открыта, и стоило приблизиться, как оттуда глухо бабахнул взрыв. Первый взрыв, после выстрелов из гранатомета, ко-

торый удалось услышать.

При мысли о том, что Турок где-то тут, на расстоянии меньше вытянутой руки, невидимый и неслышный, становилось как-то не по себе. Ясаки тоже использовал «туман», но его Заноза видел, потому что японец и его прикрывал своим дайном.

Да хрен с ним, с Турком...

Из подвала не пахло кровью. Рвануло знатно — Сондерс, даже если он такой же деревянный как остальные, должен был сейчас капать с потолка и стекать по стенам. Но кровью не пахло. Ни кровью, ни всяким другим, чем пахнет всегда, когда человеческое тело разлетается на ошметки. Плохо. Или Сондерс еще прочнее своих бойцов, или у него там, в подвале, дот с пулеметным гнездом. Или дот без гнезда. Все равно плохо.

Если Сондерс остался цел, он мог быть и не оглушен — по той же причине, по которой уцелел.

Заноза оглянулся на Ясаки, тот уже снова достал пистолеты из кобур. Значит, тоже понял. Венатор успел увидеть гранаты и погасить разлет осколков. Но Турка он не видел — тот вошел под «туманом» и дайнами скорости, бросил гранаты и ушел. Значит, если, скрывшись под «туманом» открыть огонь, Сондерс не успеет ничего сделать. «Туман» -то слетит, как только начнется стрельба, но чтобы остановить пули, их тоже нужно видеть, а на это без дайнов скорости никто не способен.

— Автоматический огонь, — сказал Заноза.

Ясаки кивнул. Он и сам знал, что в Сондерса надо высадить обоймы целиком, но лучше сказать о том, что и так ясно, чем в критический момент обнаружить, что ясно было разное.

Они вдвоем (или втроем? Неизвестно, как далеко держался Турок) слетели по иссеченной осколками каменной лестнице. И прежде, чем Заноза успел понять, почему на камне не должно быть свежих щербин, прежде чем сообразил, что это означает, что осколки гранат, все же, разлетелись по подвалу, он увидел Сондерса. Такого же, как на видеозаписях Шеди. Среднего роста русоволосый мужчина лет сорока, в подобии униформы венаторов Мюррей.

Заноза открыл огонь. Пули ударили в стену за спиной Сондерса, над головой, выбили искры из каменного пола. Пистолеты Ясаки дали осечку. Оба. На перезарядку ушли доли секунды. На то, чтобы понять, как вышло, что он промахнулся — он не умел промахиваться, не мог, не знал, как это делается — времени не хватило. Даже его вывихнутые, сверхбыстрые мозги не сразу справлялись с решением неразрешимых загадок.

Страшная тяжесть рухнула на плечи, сбила с ног. Занозу стащило по ступенькам вниз. Вслед за ним перекрученной куклой съехал на пол Ясаки.

Кровь вспыхнула, сгорая, превращаясь в силу. Две секунды, пока Сондерс шел к ним, чтобы... да неизвестно зачем.

Отрезать голову, вбить кол в сердце, сжечь — какая разница? Две секунды, и невидимая гранитная плита, вдавливающая в пол, стала толщей воды. Тяжелой, но податливой. Заноза выстрелил снова. В упор. В подошедшего вплотную венатора...

И его пистолеты, надежней которых не было, просто не существовало, сухо щелкнули, не выстрелив.

Осечка. Как со стволами Ясаки.

В следующее мгновение вода вновь стала камнем, а Сондерс заклеил ему рот заранее заготовленным куском скотча.

— Меня предупреждали, что тебе нельзя дать заговорить, — сказал он. — Посоветовали сразу тебя убить. Слишком уж ты непредсказуем и, по слухам, не боишься ни боли, ни смерти. Так что контролировать тебя нельзя. Понимаешь, о чем я?

Ни хрена Заноза не понимал. Чувствовал, как под невыносимой тяжестью камня сминаются кости, как превращаются в сплюсненные куски металла его пистолеты, и это... значительно снижало способность адекватно воспринимать информацию. Но сразу, как только Сондерс склонился над ним, стало ясно, что тот не должен был начинать разговор. Где-то на краю восприятия Заноза ощутил интерес Ясаки. Интерес. Правда. Не страх, не злость, не любопытство.

Ответить Сондерсу он не мог, даже кивнуть не мог. Но если б только получилось избавиться от скотча, с венатором можно было бы сделать что угодно. Он попался. Заплыл пря-

миком в сети, которые Заноза даже не расставлял. Остаточный эффект от слишком частого использования дайнов власти, который обычно всего лишь располагал к нему собеседников. Ничего особенного, ничего, на что стоило бы обращать внимание.

Телекинетик Сондерс был устойчив к воздействиям на психику, это отмечалось в его личном деле, но сейчас никакого воздействия не было. А значит не от чего было защищаться. Вот Сондерс и не защитился.

— За кого они меня принимают? — сказал он недовольно.
— Кому там в голову пришло, что я могу убить ребенка?

Да уж, это было очень интересно. Кому пришло в голову предупредить Сондерса о том, что к нему явится Заноза, а не Эмрил? Кто об этом знал? Турок, Ясаки, сам Эмрил и тийр-мастер. Возможно, еще кто-то из окружения тийр-мастера. В любом случае, список невелик. Найти будет несложно. Выбраться бы только отсюда. Снять бы чертов скотч!

— Вас должно быть трое, где же третий? — Сондерс достал из кармана куртки плоскую металлическую коробочку, извлек из нее шприц, старинный, стеклянный. Металлическая оплетка шприца и длинная толстая игла неприятно отсвечивали серебром. — Мистер Ясаки, раз уж мне нельзя разговаривать с вашим юным спутником, отвечать придется вам. Где Убийца вампиров?

— Не знаю, — ответил Ясаки после краткого раздумья,
— мы не видели его с того момента, как приехали.

Чистая правда. Это, кажется, даже Сондерс понял. Пожал плечами:

— Значит, подождем. Без Гэбриел он отсюда все равно не уйдет — контракт обязывает найти ее и вернуть заказчику. А пока мы ждем, я возьму вашу кровь. Вампиров следует уничтожать, таково мое мнение, — он вонзил иглу в руку Ясаки, — до недавних пор ординарии общества Мюррей придерживались той же точки зрения. Но теперь у нас есть возможность воздействовать на вас с помощью вашей крови. Это все меняет, не так ли? Открывает новые перспективы. Использовать вампиров для уничтожения вампиров — эффективно, впечатляюще и практически безопасно. Мистер Ясаки, — Сондерс недовольно пощелкал ногтем по шприцу, — сделайте кровь материальной, не вынуждайте меня наносить вам повреждения до тех пор, пока это не случится само. Я не собираюсь отдавать вас ординариям. Ни вас, ни этого мальчика, ни Убийцу вампиров. Видите ли, меня обманули, так что я временно нелоялен к обществу Мюррей.

Отдать свою кровь добровольно? Да какой вампир на это способен? Даже под угрозой пыток. Сондерс прав: в большинстве случаев, если нанести вампиру достаточно серьезные раны, кровь сначала будет тратиться на исцеление, а потом, когда ресурс окажется исчерпан, станет материальной. Остатки крови. Немного, но уж, конечно, побольше, чем объем шприца. Сондерс обессилит Ясаки и все равно возьмет то, что хочет. Но это потребует времени, а Турок по-

прежнему здесь, где-то рядом, и как только он поймет, что происходит, он вмешается.

Вопрос в том, когда он поймет. Заноза был умнее Турка и Ясаки вместе взятых, но в чем секрет Сондерса, разобраться пока не мог. Тот остался неуязвим для гранат, для пуль. При попытке выстрелить в него снова, уже без шанса промахнуться, вышли из строя пистолеты. Пока не станет ясно, как это работает, за счет чего Сондерс обеспечивает свою неуязвимость, вступать с ним в бой нельзя.

Долбаный скотч!

— Ну, хорошо, — Сондерс вынул из коробочки другой шприц, склонился над Занозой, — начнем с тебя.

Он сдвинул вверх рукав плаща вместе с браслетами. От невозможности пошевелиться, от того, что его касаются чужие руки, Заноза едва не взвыл. На мгновение потерялся в затопивших до краев ужасе и бешенстве. Когти царапнули пол и раскрошились под тяжестью, раздавившей пистолеты.

— Да пойми ты, мальчик, — Сондерс успокаивающе обхватил его запястье, и Заноза зарычал, снова теряя себя в ненависти и страхе, — я не хочу причинить вам вреда. Никому из вас. Вы нужны мне, чтобы найти Гэбриел. А кровь... просто гарантия. Я сам не могу на нее воздействовать, но если мы не договоримся, отдам ординариям. И вы пополните ряды вампиров-рабов. Ну, что? Не будешь упрямиться?

Игла была серебряной. Она действительно была серебряной. И если бы не знание, что он не может чувствовать боли,

потому что ее просто нечем чувствовать, эта самая боль могла бы оказаться слишком сильной. По руке от места укола будто потекли потоки огня. Но это был не настоящий огонь, всего лишь реакция на серебро. Не свойственная большинству вампиров. Большинству нормальных вампиров.

Заноза во многом от них отличался.

Зато страх отпустил. Сондерс не собирался делать с ним ничего... ничего плохого. Сондерсу просто нужна была кровь. Хрен там он получит хоть каплю, конечно, но, в любом случае, ожоги от серебра лучше, чем... что-нибудь другое.

— Странно... — Сондерс вынул иглу. — Так не должно быть.

Заноза не мог повернуть голову, чтобы посмотреть, но представлял, что видит венатор. Пустые вены и капилляры выгорали, от ожогов сокращались и деформировались мышцы. Всюду, куда хватило действия яда, рука почернела. Выглядит, наверное, не очень. Но ничего странного, вообще-то. Редкая реакция на серебро, факт, но не исключительная. Уж венатор-то должен знать.

— Не хочу причинять тебе боль, — сказал Сондерс, — но тебе, похоже, не больно, да? Хорошо. Потому что кровь мне нужна.

Теперь он воткнул иглу в запястье, и уже через секунду пальцы свело судорогой, доламывая о пол остатки ногтей. Чем, ну вот чем, мать его, должен думать человек, предпола-

гающий, что смена места укола отменит аллергическую реакцию?! Да у него вообще мозгов не должно быть!

— Хватит, — выдавил Ясаки. — Оставь его, я отдам кровь.

Это было неожиданно. Японец задумал что-то, но что? Нужно действовать по обстоятельствам, какими бы они ни были. Но как действовать, когда не можешь пошевелиться? Нужно делать то, для чего не придется двигаться.

Дайны власти.

Черти бы взяли проклятый скотч!

Сондерс выдернул шприц. Повернулся к Ясаки. Если бы Заноза дышал, выдохнул бы от облегчения. Не от того, что серебро перестало скручивать жилы в оплавленный клубок, а от того, что Сондерс, наконец, перестал его трогать. Ничего нет хуже чужих рук.

И сейчас об этом думать нельзя! Нужно сосредоточиться на дайнах. Нельзя бояться того, кого хочешь зачаровать.

Венатор притих, сосредоточился на том, чтобы набрать в шприц кровь Ясаки. И в этот миг лента скотча, заклеивающая рот, оторвалась с тихим, липким звуком. На мгновение Заноза увидел Турка — «туман» слетел, когда тот коснулся его. Но Сондерс не увидел и не услышал ничего. Сондерса Турок не трогал, остался для него невидимкой. А в том, почему звук отклеивающегося скотча не привлек внимания венатора, следовало разобраться. Во многом, связанном с Турком, следовало разобраться.

Позже.

— Мистер Сондерс, — сказал Заноза так мягко, как только мог, с учетом обстоятельств, — посмотрите на меня.

Он знал о Сондерсе все, что знал Шеди. И еще многое сверх того — то, что смог понять, додумать, разобрать в записях психиатра. Он был умнее Шеди, умнее всех.

До того, как стать венатором, Сондерс был учителем в старшей школе. Хорошим учителем. И он принял Занозу за подростка, за ровесника своих учеников. Потому и подпал под чары сразу, как увидел его.

Венаторы считали, что вампиров с дайнами власти нельзя слушать. Многие вампиры тоже так думали. Опасная ошибка. Нельзя слушать того, у кого есть дайны власти, но еще на него нельзя смотреть. На дайны принуждения это правило не распространялось, но для дайнов убеждения было безоговорочным.

Все, что требовалось сейчас — это сказать Сондерсу, что делать. И чего не делать.

— Отпустите нас, пожалуйста, мистер Сондерс, — попросил Заноза, глядя в светлые, внимательные глаза. Сондерс смотрел на него с изумлением и интересом, и кивнул, услышав просьбу.

Тяжесть исчезла. Воздух перестал быть каменным. Яски вскочил на ноги, брезгливо дернул рукой, отбрасывая шприц. Заноза сел, отодвинувшись подальше от Сондерса, но не спеша вставать. Пока тот стоит на коленях, незачем

возвышаться над ним. Нужно продолжать играть роль, быть младшим, которому невозможно отказать.

— Спасибо, — Заноза улыбнулся. — А теперь, пожалуйста, расскажите мне, как вам удастся оставаться неуязвимым?

...Это была пищевая добавка.

Мир спятил. Мир летел в пропасть. Хорошо хоть, что пропасть — бездонная.

Пищевая добавка, заявленная панацеей от всех болезней. Мел в красивой упаковке. Одна-единственная таблетка оказалась особенной. Сондерс сожрал ее и стал неуязвим для любых физических повреждений.

Разве так бывает?

Ок, ладно, бывает, потому что вот он, живой и невредимый после взрыва восьми гранат. И Заноза промахнулся, стреляя по нему. А потом пистолеты дали осечку. И пистолеты Ясаки тоже. Значит, бывает.

Но как вышло, что в Мюррей не заметили исчезновения артефакта такой силы?

— Я оставил другую таблетку, — объяснил Сондерс. — На вид они все одинаковые. А мои способности позволяют взять любую вещь, которую я вижу, не потревожив сигнализацию.

Кого-то, значит, ждет сюрприз. Кого-то, кто воспользуется подмененной таблеткой и будет считать себя неуязвимым.

Еще одним венатором станет меньше, и это хорошо. Но что делать с по-настоящему неуязвимым Сондерсом?

— И как долго держится эффект?

Этого Сондерс не знал. В Мюррей проводили опыты на животных, давали им какие-то микрочастички чудо-мела. Подопытные мыши прожили по три года и умерли от старости, так и оставшись неуязвимыми, подопытная макака прекрасно чувствовала себя уже десять лет, умирать не собиралась и обнаглела до крайности потому, что с ней ровным счетом ничего нельзя было сделать. Даже яды не брали.

Панацея, она панацея и есть.

— Рад за вас, мистер Сондерс, — сказал Заноза неискренне. Сложно радоваться за человека, когда он — неуязвимый венатор. Даже за уязвимого венатора сложно радоваться. — Ну, а что с засадой? Откуда вы узнали, что за мисс Су-Лин придем мы трое?

От командования. Ну, ясное дело. Мог бы и не спрашивать. Откуда узнало командование — вот настоящий вопрос.

Об этом Сондерс не знал. Разумеется. Он не был рядовым венатором, но и ординарием не был, а если кто-то в Мюррей имел источник информации среди вампиров (если у кого-то из Мюррей уже была кровь вампиров, близких к тийрмастеру), то об этом, по-любому, даже не все ординарии знали.

И, кстати, о крови. С вампиром многое можно сделать, получив его кровь. Много разных неприятных вещей, болезненных для тех, кто воображает, что чувствует боль. На стра-

хе перед этой болью можно выстроить... отношения. Тут как с людьми — боль сильный стимул. Но вампиры — бессмертные, прочные и очень хитрые твари. Взаимодействуя с ними, полагаться на страх слишком самонадеянно. Даже на любовь полагаться нельзя. Либо венаторы Мюррей обнаглели настолько, что решили, будто страха достаточно, и тогда дни их сочтены, либо у них есть способ полностью подчинять вампиров с помощью крови.

А это умеют лишь другие вампиры. Немногие. С особенными дайнами.

Жаль, что этих немногих не настолько мало, чтобы можно было допросить всех.

— Сумеешь позвать его, когда он понадобится? — спросил Ясаки. — Знаешь, как это делать?

— Я все умею... — Заноза прикусил язык. Не далее как в начале ночи японец наглядно продемонстрировал, что умеет он не все. Убил Шеди несколькими словами. Сказал, что это дайны убеждения, но Заноза и представить не мог, как они действуют.

— Хорошо. У меня к нему вопросов нет.

Ясаки обошел Сондерса, осмотрел Занозу:

— Встать сможешь?

— Ясное дело, — Заноза подобрал изуродованные пистолеты, поднялся на ноги. — Не хотел быть выше него. Мистер Сондерс, забудьте о том, что видели нас. Скажите, что мы забросали подвал гранатами и не стали сюда спускаться.

— Разумно, — сказал Ясаки. — Идем.

— Хорошая работа, — Турок ожидал их у двери в подвал.

— К Сондерсу вопросов больше нет, это верно.

— Я б тебя тоже поспрашивал, — невысказанная мысль была очевидна. — И тебя, — Заноза глянул на Ясаки, — про дайны.

— Про страх, — уточнил тот. — Венатор сказал, ты не умеешь бояться. Нужно научиться, если хочешь использовать всю силу дайнов. Я научу.

— Вот спасибо, — перспектива не вдохновляла.

— Не благодари, — отозвался японец с полной невозмутимостью.

* * *

Уборку предоставили венаторам. Раз уж Сондерс уцелел в бойне, пусть сам объясняет начальству, как это вышло и почему погибли все остальные. Ну, и куда девать двенадцать трупов пусть будет проблемой Мюррей. Если бы в доме погибли все, для уничтожения тел пришлось бы, как и было задумано, использовать ресурсы «Турецкой крепости», но если можно переложить неприятную работу на неприятных людей, этим нужно пользоваться.

Хасан не испытывал к венаторам никаких особенных чувств, однако они были врагами, а врагам надо вредить даже в мелочах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.